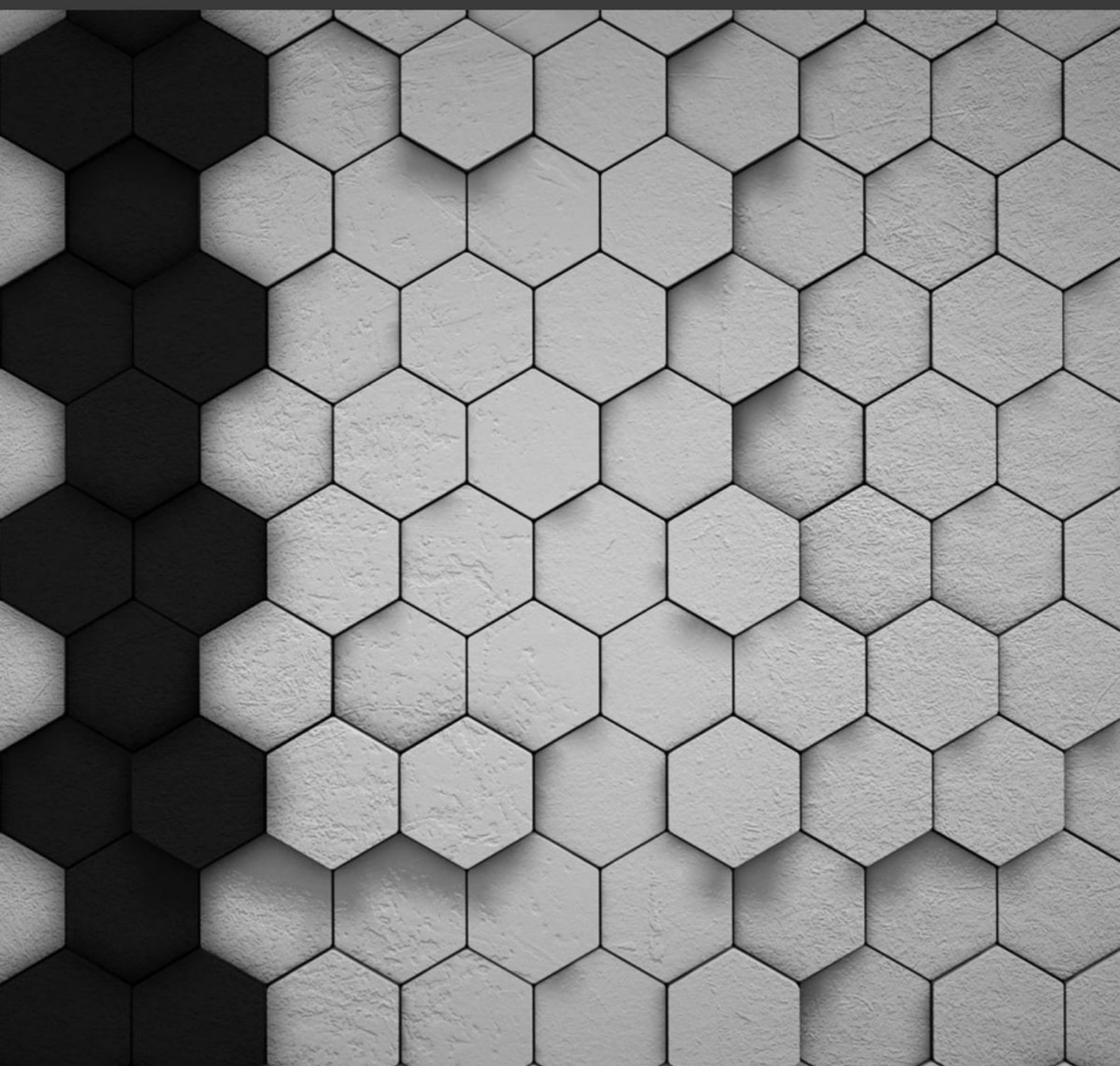

Алексей Бартенов
Би́мен

Алексей Бартенов

Бимен

«Издательские решения»

Бартенев А.

Бимен / А. Бартенев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4493-0940-2

Хотите узнать, что произойдет, если рядом с домом, в котором живет ведьма, появится человек, наделенный необычными сверхспособностями?

ISBN 978-5-4493-0940-2

© Бартенев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Повелитель пчел	6
1. Рождение	6
2. Ален	11
3. Риа Таббу	16
4. Спина	19
5. Майский	21
6. Бартеломью	25
7. Пасека	29
8. Сказка	33
9. Дождевик	38
10. Грибы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бимен

Алексей Бартенев

© Алексей Бартенев, 2018

ISBN 978-5-4493-0940-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Повелитель пчел

1. Рождение

Это история очень похожа на сказку. А как начинаются все сказки? Однажды, давным-давно, в одном маленьком городке жил паренек. Ростом и габаритами от остальных он не отличался. Силой и ловкостью великой не обладал, умом обделен не был, хотя пользовался им не всегда. В общем, обычный средний человек. Но чтобы мы его себе хорошо представили, попробуем нарисовать.

Нарисуем молодую траву, которая растет из кочки. Тоненькие стебельки тянутся к небу, они недавно пробились, поэтому торчат в разные стороны. На вершине они выше и гуще, чем по краям. Если кочку снабдить маленькими зоркими глазками, носом и ртом, то получится как раз голова нашего героя. Конечно волосы у него не зеленые, а лицо вовсе не серое. Однако, тело такое же, как у всех нарисованных человечков. Этаким квадрат с закругленными углами. Внутри квадрата нарисуем три точки – две сиськи и пупок. Пупок необходимо заштриховать, – это будут волосы, потому что живот у нашего героя невообразимо волосатый. Почти такой же волосатый, как и его макушка.

Из закруглений квадрата растут руки и ноги. Руки сверху, ноги снизу. С руками все понятно, если сверху, то нормальные руки. Обычные, хватательно-гибательно-толкательные отростки, с пятью пальцами на каждой. Кстати, отрезок от локтя и до ладони тоже нужно заштриховать, но не сильно, потому как растительность тут не такая густая как на животе.

А теперь, самое сложное: ноги. Женские ноги, мы привыкли представлять себе, как что-то красивое, ровное, прямое, теплое, светлое. Они так и манят коснуться и проверить, а правда ли они такие гладкие и приятные на ощупь как кажется. Ну, так вот, у нашего героя ноги были мужские. Сейчас объясню, что это значит. Представьте себе узловатую веревку, или ветку, которую сломали, но она срослась, или проволоку, которую вначале скрутили и завязали, а потом решили выпрямить. Мужские ноги имеют примерно такую форму. Кривые жуткие отростки, напоминающие приспособления для ходьбы, придуманные безумным ученым. Если вы нарисовали именно такие ноги нашему персонажу, то не забудьте и их заштриховать, ибо, что это за мужские ноги, без растительности на них.

А теперь давайте на секунду представим, как наш герой может двигаться. Нет, он не хромает, но походка, весьма своеобразна. Когда он идет, создается впечатление, что он находится в киселе. Движения плавные, но в то же время в них нет раздражающей медлительности. А вот почему так происходит, вы скоро узнаете.

Разгадка кроется в его работе. Дело в том, что он заклинатель полосатых мух. Свирепых и страшных насекомых, которые дают ему золотой нектар, способный исцелять кучу болезней. Как вы уже наверное догадались, он ухаживал за пасекой. Пасекой своего отца. Что-то вроде семейного бизнеса.

В силу особенности этих пчел, он перестал делать резкие движения. Даже когда кусают. Больно, и несколько сразу. Как тибетские монахи, которые двигаются с легкостью ветра, не нарушая гармонию природы.

С утра день не предвещал ничего необычного. Если не принимать в расчет тот факт, что обычно нашего героя начинало клонить ко сну после обеда, а сегодня сразу же после завтрака. «Ну, и ладно, – думал он. – Привезу, расставлю улья, а потом и вздремнуть можно будет. Если повезет, то в моем распоряжении будет часа два или три».

После всех приготовлений он завалился в траву, положил одну руку под голову, другой прикрыл живот, и блаженно закрыл глаза. Прошло всего несколько секунд, и в его голове уже все начало растворяться. Разум нашего героя проваливался в сладкую утреннюю дрему.

Уж не знаю, думают пчелы о чем-нибудь, или нет? Что ими движет, кроме природных инстинктов? Вылетев из своих домиков, и слетав по своим пчелиным делам, вернулись они очень странными. Где их носило, и какой эльфийской пыльцы они наелись, остается загадкой. Но, увидев своего пастуха, мирно дремлющим на солнышке, вышли из состояния спокойного трудоголика, и включили боевой режим уничтожения неприятеля. Атаковать начали все, одновременно, словно выполняя чью-то неведомую команду. Подлетели, зависли, выбрали жертву, оценили обстановку и...

И вот, когда он, наш пасечник, еще не успел перешагнуть через порог в царство Морфея, когда уши слышат, а мозгу все равно, потому что он приготовился к просмотру всяких видений и миражей. Именно в это мгновение пчелиный рой и опустился на него, превратив нашего героя в серое шевелящееся пятно, лишь очертаниями напоминающее человека. Здесь, к нашему повествованию, хорошо бы добавить музыку из «Шоу Бенни Хилла», потому что происходящее дальше, не может не вызвать смех, или хотя бы улыбку. Серая клякса приняла вертикальное положение, попыталась прыжками стряхнуть с себя налипшую серость. Покрутилась, пробежалась, потом повалилась, и стала кататься по траве. Все безрезультатно. Серость, и не собиралась отставать.

Однако, комедия продолжалась недолго. Как внезапно пчелы напали на своего хозяина, так же быстро они и оставили его в покое. А он, великий пчеловод, стоял одиноко в поле, пока не начал превращаться в свирепого Халка.

Безусловно, он не позеленел, и не стал огромным как скала, но некоторые особенности этого персонажа начал приобретать уже почти сразу. Даже не особенности, а черты лица и манеры поведения. Прежде обычное лицо, сначала стало лицом тупого деревенщины, с ничего не выражающими маленькими глазками. Затем губы превратились в негритянские вывернутые губищи, а брови низко нависли над, налитыми кровью глазами. Скулы раздулись, и любой бурят теперь позавидовал бы ему. Но самое главное – шея. Шея теперь у нашего героя была просто огромная. Голова на ней кажется той самой кочкой с травой, с которой мы начали рисовать образ нашего пчеловода. Можно даже сказать, что шея поглотила собой огромные плечи. С остальными частями тела тоже произошло определенное волшебное превращение, но сильно заострять внимание на этом не будем. Скажем просто: все, то ли распухло, то ли надулось. Одежда пыталась удержать растущую плоть, и было похоже, что довольно тучный человек одел на себя дамские вещи неподходящего ему размера. Хотя, вернее сказать не одел, а натянул или телепортировался в них. Отчего обычная одежда, которая состояла из футболки и шорт, приобрела очертания топики и трусиков бикини. Да, в тот момент он выглядел весьма странно. Обладатель огромного красного тела стоит в дамском белье, и боится пошевелиться.

«Это хорошо еще, что я в шлепках, – промелькнула в красной голове одинокая мысль. – Так, ладно, посмотрим, что эти мухи со мной сделали? – последовала за ней вторая. Тело попыталось повернуться и наклониться. Осмотр закончен, перейдем к ощупыванию. О, если я весь такой красный, то вероятно стал похож на ХЕЛЛБОЯ, а если нет, то лицо у меня должно быть какого-то другого оттенка. Осталось теперь выяснить какого. Пасечник свел глаза к красной переносице. Нос красный. «Да! Я ХЕЛЛБОЙ!» – прокричал пчеловод, и с раздутых губ срывалось только нечленораздельное звериное рычание. Однако он этого не понял. Он продолжал кричать что-то о своем новом образе, а по округе разносилось громкое, невнятное созвучие букв, не имеющее ничего общего с человеческой речью.

А вот потом пришло осознание, что будет, если он останется таким навсегда? Как меня узнают? Стоп, если я неузнаваем, то могу быть кем угодно. И что самое интересное, у меня есть возможность начать новую жизнь, минуя детство и все стадии воспитания, но при этом обладая

знаниями и всем своим опытом. И выбрать я могу как темную сторону, так и вступить в так называемую «ЛИГУ СПРАВЕДЛИВОСТИ». А где же я буду жить? Что ж, придется в качестве злобного тролля отобрать у кого-нибудь домик, где-нибудь на отшибе, в тихом уединенном месте. И убивать всех, кому не посчастливится туда забрести.

– Так, – улыбался покусанный пчеловод. – Определенно, у темной стороны есть свои плюсы.

– Но тогда это зло! – пыталась поучаствовать в рассуждениях совесть. – А быть злым плохо.

– Когда ты будешь на темной стороне, у тебя не будет совести! – шепнул в красное ухо демон, сидящий на левом плече.

Расфантазившийся мозг, перед которым теперь стояла неразрешимая дилемма, начал постепенно возвращаться в реальность посредством сигналов, поступающих от нервных окончаний.

Дело в том, что пока с раздутого тела не спеша спадала опухоль, разум был очень занят, пытаясь представить все те злодеяния, которые мог бы совершить, если бы управлял таким удивительным телом. А вот из страны фантазий его начал вытягивать зуд, становившийся все сильнее и сильнее, и стремящийся стать нестерпимым. Должно быть, наверное, засвербело везде и сразу. И пока наш герой думал, с какого места начинать чесаться, зуд достиг максимума, и предохранитель, который есть у каждого в голове, перезагрузил содержимое черепной коробки.

Тело еще немного постояло, а через мгновение уже приняло скрючено-горизонтальное положение. Мы же себя не контролируем, когда теряем сознание. Это не то, когда ты ложишься спать. Можно лечь красиво, можно поудобней. Пчеловод просто рухнул. Вниз и в сторону. В левую сторону. В темную левую сторону. А силы зла уже начали рисовать ему красочные преступления, которые просто необходимо реализовать в реальной жизни.

Пробуждение сопровождалось жуткой головной болью и затекшими суставами. Попытка встать не принесла никаких желаемых результатов, поэтому была предпринята попытка сесть. Тоже безуспешно. «Я теперь не супергерой, я гусеница какая-то!» – размышлял вслух, покусанный пчеловод. Теперь, из положения «лежа на боку», необходимо было принять положение «навзничь». Неимоверными усилиями тело было выпрямлено, и теперь пыталось разработать суставчики. На выполнение этой задачи были потрачены почти все последние силы. Когда все же неприятные ощущения, кроме головной боли, остались позади, он все-таки сел. Беглый осмотр своего тела не выявил ничего. Совершенно ничего. Он встал, осмотрел себя снова, ощупал. Опять ничего. НИЧЕГО. Ни красного огромного тела, ни каких-то свидетельств, произошедшего.

– Блин, – пронеслось в голове. – Это чего, приснилось что ли?

– Да ну, нет. Не может быть. Все такое настоящее было, – он задумался.

– А, наверное, Господь увидел, что я могу стать плохим, и лишил меня дара! – продолжал мысленный диалог пчеловод.

– Я буду хорошим! – взмолился он.

– Так тебе и надо! Ты не достоин обладать суперсилой! – добавила горечи совесть.

– А если Бог тут не причем? Что, если это простое стечение обстоятельств, и сила непременно скоро появится? Просто телу необходимо адаптироваться, а мозгу перестроиться и привыкнуть. Нужно выяснить, чем кроме раздувающегося тела я теперь наделен. Если вообще наделен. На всякий случай надо пообещать, что буду супергероем, а не суперзлодеем, может это тоже как-то, и на что-то влияет.

Наступал вечер, весело проведенный день подходил к концу. Все дела были сделаны, и несостоявшийся громила, в своем прежнем облике, заходил в дом. На пороге мать отвесила звонкую затрепину:

– Зачем футболку растянул? А с шортами что? Что ты с ними сделал? – Вопросы продолжали сыпаться, и простое родительское недоумение стало перерастать в недовольство.

– Меня пчелы покусали, – начал было оправдываться сын, но внезапно появившаяся улыбка, перечеркнула всю искренность сказанного.

– Что это ты улыбаешься, а? Одежду испортил, и стоит, посмотрите на него, – не унималась мать. – Герой!

– Не герой, – поправил он. – А супергерой!

– Правильно, не герой, а геморрой! Нет, супергеморрой! – подвела жирную черту родительница. – Иди, мойся и быстро за стол. Мне завтра вставать рано.

«Значит, не померещилось! – думал он, когда мыл руки. – Значит, все было на самом деле. Но что же, все-таки было? Итак, проанализируем ситуацию. Пчелы взбесились, покусали всего. После этого я распух, и потерял сознание. С чего я вообще взял, что будет какая-то сила? На лицо было увеличение массы. А может аллергия на пчелиный яд? Так ведь не было никогда. Значит, теперь есть. Все когда-то бывает впервые. Довольно рассуждений, пора кушать и на боковую отправляться».

Но мысли даже за столом не оставляли его в покое. Потом лежа в кровати, он долго ворочался, и не мог заснуть. Пока песочный человек не взял совковую лопату, и не сыпанул от души волшебного песка.

Не всегда новый день является продолжением прошедшего, чаще всего это **НОВЫЙ** день. И единственное, что его связывает со вчерашним, это сон. Это как пробел между словами, как новый абзац. Он просто должен быть. Элемент, с которого ты начнешь и каким закончишь свой день. Бывает, проснешься ото сна, и потом ходишь как чумной, не в силах выкинуть его из головы. Но какой бы он не был, все равно выветрится, как запах. Однако бывают стойкие запахи. Очень стойкие. Спросите у любого животновода. Казалось бы, вещь постирана, продезинфицирована, а слабый, где-то там, запахок остался. И вот, животные, обладая отличным нюхом, способны различать даже не сам запах, а его оттенки в другом запахе. Так же и со снами. Они выветрились, но где-то в подсознании остался едва уловимый след этого сна. А когда на улице, или где-то еще мы видим что-то напоминающее забытое сновидение, тогда появляется **ДЕЖА ВЮ**. Ощущение повторения происходящего.

Вот и нашего героя не покидало гнетущее чувство, что где-то, или когда-то такое с ним уже было. Но где, и когда, он вспомнить он не мог. Прошел день, за ним другой, глобальных изменений в теле покусанного пчеловода не наблюдалось. Он уже начал было забывать о недавнем приключении, если бы не одна особенность, которая им пока оставалась незамеченной. Рядом с ним пчелы вели себя иначе, чем обычно. И складывалось впечатление, что они слушают, что он говорит, или какую песню мурлыкает себе под нос. Он мог отогнать их в сторону, без взмахов рук, одним взглядом. А когда он все же уловил, эту взаимосвязь между своими действиями и их поведением, то чуть не напустил в штаны от восторга. Гордый собой, и своей особенностью он теперь с раннего утра и до поздней ночи проводил время на пасеке, где следил за своими насекомыми и тренировал свои новые способности.

Честно говоря, это больше походило на баловство, потому как задания были довольно предсказуемыми: сорвать цветок, не этот, другой, поднимите меня в небо, я пошутил, сделайте ветер, меду хочу, кормите меня...

Потом он начал строить надписи и фигуры, и пиком творения была копия самого себя из пчел. Он даже мог устраивать поединки с самим собой. Потом пошли испытания пчелиного оружия: пчелиный кулак, пчелиная бита, пинок пчелиной ногой, и много чего другого. Но самое главное: он стал относиться к ним как к части себя, он чувствовал каждую пчелку,

ему было больно, когда они кого-то кусали и умирали. И чем больше их становилось, тем лучше себя чувствовал новый герой этого мира.

Ну, что ж, вот и настало время дать ему имя. Не будем выбирать пафосные громкие прозвища, назовем его просто «БИМЕН». Или «ПЧЕЛОВЕК».

2. Алел

А тепер, оставим нашего новоявленного героя со своими маленькими друзьями, и посмотрим на то место, где он живет. Это обычный мир с множеством национальностей, языков, религий, типов людей и животных. Да, это наш мир. Тот, где мы живем и сейчас. А вот на стране остановимся, и рассмотрим ее, внимательнее.

Находится она в средней полосе, и немного южнее. Зимы тут есть, но не такие суровые, как в Сибири. Хотя случается, что снега выпадает по пояс, и морозы лютуют, однако климат ближе к мягкому, чем к суровому. И так, в принципе все представили себе просторные поля, густые леса, чистые реки, холодные в самую знойную жару. Живописные места.

А тепер представьте небольшие одноэтажные домики, похожие на детские кубики, с покатыми темными крышами. Расположены они так, как, если бы ребенок начал что-то строить из этих самых кубиков, но его периодически отвлекали, и он каждый раз начинал строить в новом месте, напрочь забывая о предыдущем строительстве. А потом он нес целую охапку кубиков, коробок и баночек, но споткнулся и рассыпал все. Примерно так, с высоты, выглядит один из нескольких районов этого маленького городка.

В одном из таких маленьких домиков и живет семья пасечника. Домик небольшой, но уютный, места хватает всем. Есть надел земли, но он больше для удовольствия, чем с него можно было бы прокормиться. Его занимают несколько фруктовых деревьев, пара кустов смородины и крыжовника, несколько грядок зелени, и помидорки с огурцами. А еще цветы, разные и повсюду. И да, чуть не забыл, картошка. Ее немного, совсем чуть-чуть. Чтобы не покупать в межсезонье, когда старая уже очень старая, и есть ее невозможно, а молодая такая дорогая, что совершенно невкусная.

Почетное место в этом идеальном мире занимают пчелиные домики. Это многоэтажные деревянные строения. Надежные, и безусловно, самые красивые в районе. Самые красивые, потому что единственные. Были еще люди, которые пытались держать пчел, но как сказали в одном фильме: «Должен был остаться только один». Кого-то подкосила тяга к алкоголю, кого-то утомили долгие приготовления и ухаживания, кого-то просто невзлюбили пчелы. У каждого, кто оставил это занятие, были свои причины.

Вернемся к сути описания места. Люди живут натуральным хозяйством. Остальные продукты и товары приобретаются в центре. Жить там престижно, хотя и не всегда удобно. К удобствам можно отнести канализацию, водопровод, центральное отопление, близость расположения магазинов и всего такого молодежного, яркого и красивого. Обратной стороной является шум, пыль, соседи, которые находятся так близко, что от них никак не уединиться.

В центре стремятся жить молодежь, или те, кто там работает. Люди, узнавшие жизнь, выбирают места потише, да попроще. В общем, все как у всех, и как везде, ни больше и не меньше. Маленький городок, с численностью населения 200 – 300 тысяч душ, состоящий из нескольких районов.

Управляет всем мэр, которому подчиняются главы районов. У глав в подчинении улочки и домкомы. Последним никто не подчиняется, но к ним часто обращаются по спорным вопросам, или за справками. Есть, конечно, и милиция, которая следит за порядком и соблюдением законов, и школы с детскими садами, и больницы с поликлиниками и аптеками. Даже есть завод и несколько фабрик. Полно частных лавочек, которые торгуют всем подряд. Жизнь в городке кипит, и затихает только к ночи, как раз в это время выходят на улицы ночные жители – молодежь, и работники развлекательных центров. Остальные устают за день, и хотят отдохнуть перед новым днем.

Зимой, когда холодно и световой день короткий, городок затихает намного раньше, но для ночных гуляк это вовсе не препятствие. Им не страшен ни снег, ни холод, ни грязь, ни

дождь. Они греются от общения друг с другом, от зажигательных историй и забавных анекдотов. Там, в этих группках людей, часто можно услышать страшные истории, про какую-нибудь ведьму, таинственные необъяснимые события, или мистическое происшествие.

Большая часть из всего пересказанного выдумка, но встречаются истории, которые происходили на самом деле. В каждом районе есть несколько историй с одной и той же ведьмой. А после какого-нибудь несчастного случая, вначале все считают, что не обошлось без участия темных сил, но потом все забывается и официальная версия занимает место домыслов и догадок. Однако, в любом случае, люди чувствуют, откуда идет зло, и избегают общения с такими людьми, какими бы они милыми не казались на вид.

В том районе, где появился новый супергерой, тоже есть ведьма. По крайней мере, все так считают. Поэтому дом ее обходят стороной, а яблоки и клубнику у нее из сада, никогда по ночам не воруют. Нельзя назвать ее страшной старухой. Нет. Это женщина средних лет. Время не спеша стирает остатки былой красоты с ее лица, тело терпит определенные возрастные изменения. Волосы седеют, кожа сохнет. Но и с тем и с другим пока легко справляются косметические средства. Фигура больше имеет мальчишеские пропорции, и с возрастом, и без того небольшая жопка усыхает, а грудь тянется к земле и появляется сутулость. Обычная тетенька, каких великое множество. Выдают ее глаза. Яркие, выразительные зеленые глаза, расположение которых, а также форма бровей, придают лицу некую наивность, и схожесть со зверьком. Знаете, есть такие животные, размером со среднюю собаку, и с полосатым хвостом? Нет, не скунс. Ну, они еще жуткие попрошайки и мусорщики. Кто не догадался, подсказываю: «полоскун».

Все верно, это енот. Да, у нее енотские глаза. Не сказать, что они ее портят, но из-за них, ее не просто воспринимать всерьез. Детские, широко распахнутые, дающие иллюзию наивности. А когда разговариваешь с ней, не крадывается и тени подозрения, что на тебя смотрит, полная коварства, хитрая, жестокая ведьма. Ее боятся все, но случись что, не задумываясь идут к ней. Знают, она поможет. Кто с чем, у кого спина болит, а врачи не помогают, кто забеременеть не может, у кого мужа увели, кто-то запоями страдает. Со всякими просьбами идут, и каждый находит успокоение, и уходит исцеленный, но все как один, боятся идти к ней снова, и где-то в глубине души, жалеют о содеянном. Потому что с темными силами связались, потому что заплатить придется, и цена у каждого своя будет.

Ведьма носит имя Ален. Ударение на «А». Но за глаза ее называют Лен, или Баба Тлен. После обеда она любит прогуляться по тихим, спокойным улочкам своего района, или съездить в центр, за чем-нибудь. Живет она одна, но ее домик в прекрасном состоянии. И это несмотря на то, что в нем не хватает мужской руки. Снаружи на участке все цветет и плодоносит. И не сказать, что Тлен много времени тратит, занимаясь земляными работами. А сорняков на участке нет. И урожай всегда богатый. Сразу видно, что не обошлось без помощи темных сил.

Бимен продолжал свои, так называемые тренировки, втайне ото всех, хотя его страшно подмывало похвастаться кому-нибудь, и продемонстрировать мастерство настоящего пчеловода. Но он держался, понимая, что не сможет помогать людям в открытую, за него это будут делать пчелы. А ведь большинство боится пчел. Все знают об их особенности жалить только один раз в жизни, но осознают это не многие.

К тому же, времени для тренировок становилось все меньше и меньше. На пороге стоял август, теплое время года скоро должно было смениться противной осенней слякотью, а потом и вовсе уступить зиме с ее отрицательной температурой. Пчелы относятся к тому отряду насекомых, которые предпочитают выспаться, как следует зимой, чтоб потом все лето тру-

даться. И им необходимо создать все условия для спячки. А если их количество увеличилось в несколько раз, то настроить пчеложитий, специально сконструированных для этого. Можно было купить уже готовые ульи, благо денег теперь хватало – медобизнес пошел в гору. И мед был любой, какой хочешь и сколько пожелаешь. Но наш супергерой хотел сам построить домики своим новым друзьям. И помощников у него теперь было предостаточно.

Вечерами, запираясь в сарае, он вместе с ними занимался строительством и изготовлением, а если кто-то входил, то пчелы молниеносно улетали под потолок или принимали форму плаката, наклеенного на стене, бывало что маскировались под мебель или какой-то инструмент. Нет, сами они фантазию не проявляли, просто принимали ту форму, которую им рисовал в своем воображении их командир. Случались и конфузы, когда управляющий терял контроль, и плакат начинал расплзаться. Но пока это оставалось незамеченным.

В один из таких вечеров, когда были израсходованы все гвоздики, и пока еще не закрылись магазины, оседлав свой многострадальный велосипед, повелитель полосатых мух отправился за покупками. Путь его пролегал неподалеку от места жительства Бабы Тлен. «Туда» получилось доехать быстро и по делу, а вот «обратно», с приключениями. Точнее с одним небольшим приключением.

Днем ведьму не покидало ощущение чего-то не сделанного, и она решила проверить состояние своего чердака. Нет, не головного мозга, а помещения под крышей дома. Ей казалось, что пыль и пауки берутся именно оттуда. И поскольку она туда давно не залезала, решено было посетить этот уголок забвения. Когда инспекция уже подходила к концу, под самым коньком, возле трубы, она обнаружила некое сферическое образование, походившее на старый футбольный мяч. Тлен приблизилась, насколько это возможно, и стала рассматривать это нечто. Сейчас ей хорошо стал слышен низкий пугающий гул. А когда наружу выползло черно-желтое, длинноногое, с узкими крылышками насекомое, в животе у гостя чердака похолодело. «Осиное гнездо», – догадалась Ален. Она спустилась вниз, и принялась расхаживать по комнатам, и рассуждать.

Какое оно большое! Наверняка внутри полно злобных ос. Надо что-то предпринять, а то, не дай Бог, еще в дом проберутся! Бегай потом за ними с мухобойкой! Если пчел окуривают, и они засыпают, можно ли так же поступить с другими насекомыми? Рисковать не будем. Пожар в доме будет явно лишним. Где-то был спрей от мух, клещей, и прочей гадости. Где-то в прихожей. О! Нашла. Что же тут написано про ос? Ничего-с. Так, зимой все насекомые засыпают, значит нужно их охладить. Но как? Будешь на них дуть – проснутся. Подождать до осени? Нет, опасное соседство меня не устраивает.

«Придумала!» – вдруг произнесла она вслух, и отправилась на кухню. Из ящика стола она достала черный мусорный пакет, засунула его в карман халата, взяла маленькую стремянку, и снова полезла на чердак. Идея заключалась в одевании черного мусорного пакета на гнездо, и затягивании веревки. По такому принципу иногда удаляют бородавки или родинки. Обвязывают ниткой и потихоньку затягивают, перерезая шейку. Расчет был верен на сто процентов. Пакет плотный, выход в гнезде снизу, даже если кто и вылезет, все равно останется в пакете, затянутая веревка отрежет путь к свободе навсегда.

Сложнее было поставить ровно стремянку, чем упаковать улей в пакет. Операция заняла несколько секунд. Однако теперь стояла задача избавиться от жутких насекомых. Аккуратно, чтоб не повредить пакет, она несла его на вытянутой руке, инстинктивно держа подальше от себя опасный сверток, который уже начал оживать. Ей хотелось бросить его и убежать, но нужно придумать, что делать дальше с этой опасной штукой. Нет ничего хуже скоропалительных решений, страх не только сковывал движения, но и затормаживал работу мозга. Тлен

свободной рукой взяла металлическое ведро, не спеша дошла до начала огорода, и, положив пакет на землю, накрыла его сверху. Потом начала оглядываться в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы положить сверху, и придавить. Не найдя ничего подходящего, она глубже вкрутила ведро в землю. Постояла так некоторое время, глядя на проделанную работу, кивнула, и довольная собой развернулась и уже собиралась уходить, как путь ей преградила та самая оса, которая вылезла из гнезда еще под крышей, на чердаке. Все это время она следила за манипуляциями ведьмы, и ждала подходящей минуты, что бы спросить: «А что это ты делаешь с моим домом? И почему из-под ведра слышатся возмущенные голоса моих сестер?»

Казалось, вокруг все замерло, оса глядела на человека и ждала когда напасть, а человек думал, что, может, все обойдется и оса не нападет. Наивный человечиска. Подсознательно мы знаем, что ничего хорошего уже не случится, но в детстве, рассказывая сказки, нас научили верить в чудеса. И мы думаем, что в этот раз все пойдет не так, что сегодня точно повезет.

Оса на мгновение качнулась назад, словно отступая, а потом нанесла удар в переносицу. Все произошло неожиданно, Ален отшатнулась, и сделала шаг назад. В реальность ее вернул звук опрокинутого ведра, который не возможно спутать с другим звуком. В животе снова похолодело, и казалось, что ноги отнялись. А когда она почувствовала первый укус, то мигом протрезвела, заорала, заохала, замахала руками, и высоко поднимая колени, побежала, куда глаза глядят. Осы вылезали из дыры в пакете, которая появилась от вращения ведра, медленно поднимались в воздух, а потом, найдя обидчика, устремлялись в атаку.

Проезжая на своем стальном коне, педального привода, мимо дома местной ведьмы, до ушей Би́мена долетел непонятный звук, похожий на бормотание, вперемежку с оханьем, и всхлипыванием. Машинально, повернув голову на звук, он увидел бодро скачущую Бабу Тлен, отчаянно размахивающую руками. «Пчелы» – подумал он, но через мгновение понял, что это кто-то неуправляемый, кто-то жестокий и бесстрашный. Полосатые пираты. Осы

Верные друзья, которые постоянно следовали за нашим героем, уже получили команду, и начали отеснять ос от их жертвы. Ален на секунду почувствовала облегчение и огляделась по сторонам. Она увидела за калиткой велосипедиста, и стала звать его на помощь. Но он почему-то стоял и смотрел на нее стеклянными глазами. И мало того, что ничего не делал, он и не собирался вот-то делать. В ней начинала закипать слепая ярость: «Я, значит в беде, а этот молокосос стоит и смотрит, вместо того что бы помочь бедной женщине. Я тобой еще займусь, приползешь ко мне еще, а я буду стоять, и смотреть, как ты корчиться будешь». Из мечтательного состояния ее вывели новые укусы, но эти были какие-то другие, судя по ощущениям. Пчеловек даже не успел сообразить, когда пчелы окончательно отеснили ос, и начали сами нападать на беззащитную тетку. Хотя понял почему. Он поймал, полный безмолвной злобы, взгляд, ее зеленых глаз. «Наверное, пчелы что-то недоброе почувствовали» – промелькнула догадка.

Пожалуй, слишком подозрительно будет, если мои друзья сейчас все улетят. Надо погонять их для виду. Он бросил велосипед, перемахнул через забор, и принялся размахивать руками вокруг спасенной. «Кыш! Кыш! Пошли отсюда!» – для пушей острастки кричал супергерой, гордый тем, как ловко он всех провел. Только вот искренней благодарности он от нее не услышал. А в глазах Тлен читалась все та же ненависть.

– Ой, спасибо, ой спасибо! Да дай Бог тебе здоровья! Я бы без тебя пропала! – говорила тетушка Ален, а сама думала о другом. – Стоял и ждал, когда сами разлетятся. Ну, ничего, ничего, я с тобой потом поквитаюсь.

Спустя некоторое время, она смотрела на удаляющуюся спину, и губы ее беззвучно шевелились. Так происходило всегда, когда внутри злоба. Нужно ее передать, чтобы не забо-

леть самой. Ну и на кого посмотрит в этот миг ведьма, тот и сляжет, с какой-нибудь хворью. Насколько тяжело, зависит от проклятий, которые сыплются с ее губ. А вот, что там шепчут губы, она не контролировала.

Этот дар ей передала ссохшаяся старушка, на базарной площади. Просто подошла к ней, когда Тлен с родителями что-то покупали, готовясь к школе. Взяла ее за запястье, заглянула в душу своими прозрачными голубыми глазами, и спросила:

– Хочешь я тебе что-то дам, девочка? То, что будет с тобой всю жизнь, что-то волшебное, и могущественное?

– Давай! – Сказала маленькая Ален, и в глубине ее души поселилось черное семя, которое проросло уже через несколько месяцев.

Родители окликнули свою дочь, и она повернулась на зов. Всего на секунду, чтобы потом вернуться обратно. Ей не хотелось расставаться с интересной старушкой, но та уже исчезла, будто и не было ее вовсе. Только запястье пока еще хранило тепло сухих пальцев старухи, да глаза такими наивно детскими и остались на всю жизнь, не тускнели с возрастом, как у всех людей, не выгорали, а оставались ясными и чистыми.

Первой жертвой Ален стал старый пес, который жил во дворе, в своей старой будке. Он выскочил навстречу юной хозяйке, а она, не ожидая этого, споткнулась и больно ушибла коленку. Ни звука не произнесла девочка, когда впервые посмотрела на собаку не так как раньше, а взглядом, полным злобы. И протянул он после этого около недели. А она, ни сколько не жалела о том, что животное сдохло.

Когда она смотрела так на кого-то, то мысленно прощалась, а потом когда они приходили к ней за помощью, искренне удивлялась, что они еще живы. И тогда приходилось переводить проклятье на кого-то другого. Но грех за это ложился на ту душу, которая обратилась к ведьме. Переводить, или перекладывать ее научила одна подруга, с которой они познакомились в летнем лагере. Она была старше ее лет на пять, но как говорят «рыбак рыбака видит издалека», так и старшая ведьма без труда определила среди остальных, особенную девочку. Она подошла к ней и прямо спросила:

– Ты знаешь, что ты ведьма?

– Такая же, как ты? – ответила вопросом на вопрос Ален.

– Я – Риа Таббу. Можно просто Риа.

– А я – Ален. Но, если честно, я думала что одна такая.

– Нет, нас много. Я вот уже научилась кое-чему, а ты пока еще ничего не знаешь, да?

– Как это не знаю? Оно само все получается.

– Глупенькая! Пойдем, я покажу, где живу.

И Риа взяла Ален за руку и повела показывать расположение своего блока. Потом, они уже не расставались на протяжении всей смены. Это была последняя смена для старшей из них, но их дружба продолжилась, и они часто еще встречались потом.

Риа жила в центре. Ей там нравилось. Куча народу, а всем на всех наплевать. Вот где раздолье для ведьмы. А, повзрослев, она открыла свой спиритический салон. И вслед за этим пришли признание, деньги, власть, и страх окружающих. Больше всего Ри нравилась власть.

3. Риа Таббу

В центре города, в семье инженера, росла маленькая девочка. Веселая и болтливая. Такая румяная, толстопятая и щекастая, что кажется, сошла со страниц рекламных буклетов. Имя ей дали при рождении Риа. Хотя оно сразу же укоротилось и стало ласковым Ри. Именно так ее все и звали. Ребенок купался в родительской любви и не знал ни печали, ни хлопот. Не знала до того времени, пока не пошла в школу. Этот первый ее институт жизни, так поменял сознание девочки, что даже родители через три года перестали узнавать в замкнутой, нелюдимой отличнице-зубрилке, свою не по годам рано, взрослеющую дочь. Она хотела быть первой во всем, и для этого ей приходилось заучивать те предметы, которые она не понимала. Времени на дружбу оставалось все меньше и меньше, и вскоре, этот рудимент был вычеркнут из ее жизни вообще. Осанка девочки стала меняться, она сутулилась. Родители пытались бороться с этим недугом с помощью специальных корсетов и ремешков, и не сказать что безрезультатно, но сидячий образ жизни наложил на ее внешность свой характерный отпечаток. Ситуацию немного поправила выросшая большая грудь, но все портили детские тонкие ножки. Многие считали это достоинством. «Ри, – говорили они. – Мне бы твои ноги». Но большое впечатление на окружающих производила именно грудь, и с правильно подобранной юбкой, Риа выглядела довольно аппетитно, но все это продолжалось не долго. Всем известно, что «бабий век короток». Перешагнув тридцатилетний рубеж, возраст взялся за дело, и начал перекраивать интересную женскую фигуру по своему усмотрению. Словно работая с пластилином, он что-то увеличивал, что-то вдавливал, что-то растягивал.

Но это все было потом, а сейчас девочка становилась подростком, и лет так в тринадцать, в ее мировосприятии опять что-то меняется. Она уже не хочет быть отличницей, ей нравится мужское внимание. То, как парни смотрят на нее. «Вот где власть, – думает Ри. – Настоящая власть». Школа оказывается заброшенной, и хорошие оценки ей ставят только из-за заслуг прошлого. Появляется окружение, состоящее из той молодежи, которая любит веселиться, и быть в центре внимания. Риа вписывается туда идеально, появляется гордая осанка и холод во взгляде.

В один из вечеров девчонки собираются погадать, но не в святки, или на картах, а съездить к одной ведьме. Поговаривали, что она знает все, и про всех. Эта встреча изменила мир молоденькой Риа Таббу навсегда. Она поняла, что властью молодости и красоты многого не добьешься, и уговаривает ведьму взять ее в ученицы. Та, видя колоссальный потенциал четырнадцатилетнего подростка, решает попробовать.

Не знаю, чему старуха научила ее, но уже через год, в летнем лагере, повстречавшись, с совсем юной Ален, она без труда смогла распознать в ней соратницу по интересам. Их общение с этого момента, не прекращалось никогда. Это была настоящая женская дружба, которая только может быть у двух девушек, или женщин.

Они никогда не делили парней, и уж тем более ими не хвастались. Им всегда было о чем поговорить и без этого. А черствеющие молодые сердца все меньше и меньше могли кому-то подарить свою любовь. Со временем обе поняли, что семейная жизнь не для них, что не могут они принять человека таким, каким сделал его Господь, что они не привыкли и не хотят в чем-то себя ограничивать. А после сорока мысли о второй половине окончательно покинули их головы.

Встречались две подруги в центре. Или у Риа, или неподалеку в кафе, если, конечно, погода располагала. К Ален они не ездили никогда.

– Что там у тебя делать? Комаров кормить, да в грязи копать?

– Ри, ты так говоришь, будто я в глуши живу за полярным кругом. И добраться до меня можно вертолетом или на собаках ездовых. А между прочим, расстояние от твоего дома до моего меньше двадцати километров.

– И не уговаривай меня лететь к тебе на другую планету. Вдруг, заразу какую подхвачу, не ровен час. Нет, и точка. Все, разговор закрыт. Поднимем эту тему через месяц, а лучше в следующем году!

В этот раз они договорились встретиться у Риа дома. Разговаривая вечером по телефону, она с трудом узнала Ален. Что-то было не так с ее речью, то ли она стала картавить, то ли шепелявить. Ри предложила посидеть, в недавно открывшейся кофейне с летней площадкой, но подруга сказала что лучше теплой домашней обстановки нет ничего. Беседа была короткой, как официальный доклад, чем даже немного озадачила Риа. Но, сомнения, какими бы подозрительными они не были, легко смыла душевая вода. А горячий чай, подготовил тело ко сну.

Всегда когда они встречались, спиритический салон закрывался, а работа откладывалась на другое время. Специально нанятая девочка продолжала принимать звонки клиентов, но сам магистр магии и колдовства посвящал всю себя, единственной подруге. Обычно Ален появлялась около полудня. Исключением не стал и этот день. Только реакция хозяйки дома была, до смешного странная, не такая как всегда. Она стояла на пороге, открыв дверь в пригласительном жесте, с вытаращенными глазами и отвисшей челюстью.

– Кто? – только и смогла выдавить она из себя.

– Осы! – ответили распухшие губы гости. – Отойди! Не бойся, не заразно, – продолжила она, и протиснувшись между тяжелой дверью и такой же тяжелой грудью хозяйки дома, проникла в дом.

– И ты все еще не оставляешь попытки затащить меня к себе в глухомань? – начала приходить в себя Риа. – Я вижу, как там здорово. Ты вся светишься от счастья, да что там светишься, тебя просто распирает изнутри. Особенно расперло тебя в области носа, верхней губы, левого глаза, и я подозреваю еще кучи мест, спрятанных под одеждой. Ты в курсе, что стала похожей на одного из этих, как их... – она защелкала пальцами, пытаясь вспомнить. – Ну желтые и яйцеголовые... придурочные мультики... показывают по идиотскому каналу... Мосинсы... нет... Сименсы... Ты как Симперсоны. Да, ты как Симпсоны!

– И кого именно из них, по-твоему, я напоминаю? – начали растягиваться в улыбке уголки губ Ален.

– Да по-моему, всех сразу! – уже не могла сдержатъ смех Риа. – Чай то пить сможешь, пельменями своими? А можно я тебя сфоткаю? – смеялась в голос подруга. – Вот повеселила, так повеселила.

Насмеявшись чуть ли не до икоты, и попив чая, с привезенным ею тортиком, Ален сказала, что случилось. Со всеми подробностями, и не забыв упомянуть о паренке, который делал вид что помогает.

– Теперь к нам скоро придет. Как остальные приходят. Не нравится он мне.

– Может, испугался просто, потому и стоял у калитки, как ты говоришь.

– Тут другое. Он, то ли знал, то ли видел что-то. Он же сын пасечника, значит, разбирается в этих кусачих тварях. Говорю тебе, он мог помочь, или как-то предотвратить, то, что случилось. Они же целыми роями управляют.

– Управляют, насмешила... они дают пчелам домики, а за это забирают у них мед. Труд пчеловода тяжел и опасен, но в одном ты права на сто процентов: в этих насекомых они разбираются лучше всякого ученого-энтомолога.

– Я тебя хотела попросить, Ри, если он, или его родственники к тебе придут, за помощью, ты не отпускай его. Поработай чуть-чуть, подинамай, денег насоси сколько хочешь, а потом ко мне отправь. Хочу поквитаться. Деньги себе оставь, у медоносов их можно прилично накачать,

а с мальчишкой я бы хотела до конца позабавиться, сама. В душу запал мне он. Вот как сейчас вижу: стоит, улыбка блуждает на губах, едва заметная, и смотрит сквозь меня.

– А с чего ты взяла, что прийти должен?

– Да слово я волшебное в спину ему сказала. Так что придет, скоро придет. Я же тебя никогда не обманывала, я свои губы знаю. С этим проклятьем тебе ни за что не справиться, можешь даже не пытаться.

– Да не собираюсь я с твоими клиентами возиться, придут – к тебе отправлю.

– Нет! Говорю ж тебе, ты покружи его, для лучшего эффекта, а потом, когда отчаётся совсем, вот тогда, ко мне отсылай. Помнишь, как мы с мужиком тем сделали, который в лифт вместе с нами зашел, и перднул, скотина. Ты тогда, по-моему, неплохо на нем заработала.

– А, этот толстожопый кретин с третьего этажа? Как не помнить, я с его денег всю квартиру отремонтировала.

– А уж как я душу отвела! Щдн у меня кошачье дерьмо ел, даже кота себе завел, чтоб не искать по песочницам лекарства свои. Так и умер небось, с дерьмом во рту. Свиньей был, как свинья и сдох.

– Слушай, я сколько у тебя спрашивала, все равно не понимаю, чего ты деньги с них не тянешь? Это же власть какая, все купить можно, все перед тобой стелются, готовы ноги тебе целовать.

– Мне хватает, что меня боятся. А деньги? У меня и без денег все есть. Мы ж с тобой пенсию мне оформили почти депутатскую. А больше денег ни к чему. Езжу я только к тебе, кормишь ты меня бесплатно, что в доме сломается, так у меня весь поселок в должниках ходит. Страх, вот мои деньги, ужас, который я вселяю в людей, вот настоящая власть.

– А если бояться тебя перестанут, что тогда делать будешь?

– К тебе перееду. Тебя пугать начну.

– А я тебя.

– Так и будем сидеть, трястись от страха.

– Вначале от страха, потом от Паркинсона.

День подходил к концу, подруги вызвали такси, и теперь стоя на улице, наслаждались летним вечером. Риа курила, вдыхая аромат дорогого табака.

– Будешь? – Спросила она, протягивая сигарету.

– Нет, пока не хочу... Ты же знаешь, я только когда выпью позволяю себе расслабиться.

– Чай не считается?

– Ты еще скажи, что торт с коньяком был! – Ален посмотрела на протянутую сигарету. – Ладно, давай.

– Это настоящий, французский табак. Контрабандой возят.

– Слушай, я наверное, посажу свой, – сказала гостя, затягиваясь. Она набрала полную грудь воздуха, запрокинула голову, и не спеша, выпустила дым в небо. – Соберу урожай, высушу, и к тебе с этим мешком. Сядем на балконе, раскурим по трубке...

– Когда заедешь в следующий раз? На будущей неделе? Или дела какие, и позже увидимся?

– Да не знаю пока, дай в себя прийти. Созвонимся тогда. О, а вот и машина. Давай, никого не бойся. Береги себя.

Дверь автомобиля хлопнула, на земле дымился скуренный наполовину окуроч, Риа сделала последнюю затяжку, и помахала вслед отъезжающему такси.

– И ты себя береги, Ален. – Сказала она уже про себя и, повернувшись, зашагала к подъезду.

4. Спина

Пчеловод крутил педали, велосипед набирал скорость. Нужно успеть добраться домой до темноты. Эта история с осами немного сдвинула график запланированных работ, а ведь пчелкам уже пора спать. «Хорошо, что я куртку одел, – думал он. – Холодает. Так ведь и простыть не долго! Мед он конечно целебный, даже если его есть каждое утро, но искушать судьбу будет лишним. Поэтому даже легкая ветровка спасет мое великолепное, тренированное тело от возможного переохлаждения». А если это любимая, серая с грязно-желтыми полосками курточка, с которой связано много приятных воспоминаний, то путешествие будет приятно вдвойне.

Его трудолюбивые друзья отчасти сидели на спине, отчасти летели неподалеку. Он чувствовал, что насекомые стали какими-то медленными, вялыми. Устали, наверное, спать хотят, да и прохладно стало как то, ну ничего, сейчас приедем и по домам. Вы к себе, я к себе. Он, конечно, заметил что, что-то изменилось, но не мог понять что. Приехав, закатил велик в сарай, там же повесил куртку, бросил на верстак гвозди, только что купленные в магазине, и пошел спать. Какая-то усталость наваливалась на плечи, ощущалась та же вялость, как и у пчел. Наверное, стресс – думал он, проваливаясь в глубокий сон.

Снилась, какая-то чушь про заразу, которую он подхватил, где-то, из-за этого он вначале руку потерял, потом ногу, а болезнь продолжала распространяться, и скоро последствия могли стать необратимыми. Но он принял чудодейственную сыворотку, которую ему продал какой-то долговязый доктор с бородкой, и в очках без оправы, а вместо утраченных частей тела смастерил протезы. Правда, так и не научился ими пользоваться, они его не слушались, зато выглядели довольно угрожающе.

Проснулся не выспавшимся, голодным, и с плохим настроением, будто что-то болит внутри, или какое неудобство, а в чем причина, неизвестно. Позавтракал, без аппетита, «Ну, – думает. – Сейчас пойду в сарай. Там за работой и настроение придет в норму, а потом видно будет». Вышел из дома, постоял на крыльце, вернулся обратно. «Зачем вернулся? – не мог понять. Быстрым шагом пошел в сарай, в голове каша... овсяная. Нет, совсем ничего не сообщаю, будто что-то забыл, или не одел, или чего-то не хватает... Он огляделся по сторонам, прислушался, затаился и покрутил головой. Слышно было, как хрустят шейные позвонки, но шума, к которому он уже привык, не было. Так, где же вы? Маленькие помощники. Хуже всего, что он не только их не слышал, но и не чувствовал. Почти. По сравнению с тем количеством, витавшим обычно рядом с ним, несколько пчелок, которые кружились где то на огороде, те, которые занимались обычной своей работой, были замечены не сразу. Паренек выскочил во двор, и мысленно позвал их. Они не заставили себя долго ждать, и тут же прилетели, но приближаться не стали, будто бы от их хозяина не очень хорошо пахло. Он собрался и позвал остальных пчел, спустя какое-то время возле него их кружилось около десятка. Остальных не было.

– Где? Кто?

– Да нет, КТО тут не причем. Надо выяснить, ЧТО случилось. Вернемся к вчерашнему дню. Мы вместе работали, потом я поехал в магазин, потом битва с осами.

– Может эти пираты чем-то им навредили? Но чем... Покусать их не могли... Нет, что-то еще было вчера.

– А что еще было? Путь домой, пчелы рядом, уже какие-то не такие. Точно, замерзли, наверное. Вчера же прохладно было.

Во время мысленных рассуждений молодой пасечник не стоял на месте, а сделал несколько кругов по двору, и забрел в сарай. Мысленный диалог запнулся, от того что взгляд упал на куртку, висевшую на топоре, воткнутом в бревно. Оно использовалось как держатель

для инструмента, и стояло посреди сарая, подпирая центральную балку потолочного перекрытия. Спина куртки была не серо-желтая, а блестяще-черная. В голове крутился рой мыслей, больше напоминающий бурю эмоций. Подчиняясь больше любопытству и желанию рассмотреть то, во что он, вчера вляпался, чем рассудительности и здравомыслию, он приближался к непонятной субстанции, налипшей на куртку. Шаг, еще один, вот уже видно, что черная масса состоит из каких-то капелек. Еще шаг – нет, не капельки, какие-то жуки. Снова движение вперед – жуки с крыльями. Мозг давал подсказки, но рассудок отказывался верить. Что это за такие большие муравьи с крылышками... Не, не муравьи. Глаза разглядели закопченные пчелиные маленькие тела. Тельца. Тысячи. Ресницы моргнули, и глаза увидели кучу таких же под столбом, целую гору. В воображении всплыла картина известного художника «Апофеоз войны», но вместо черепов тут была другая гора тел. Вроде как обожженных, но крылья целые.

– Но почему? Как так случилось? Я ж вроде ничего плохого не делал.

– Я не делал.

– Тогда кто сделал?

Сразу вспомнилось как вчера, спасенная Ален смотрела на него, и как после этого взгляда пчелки стали ее жалить, защищая его, и не жалея своих жизней.

– Вот в чем дело... они спасли меня. Проклятая ведьма, гадостей мне в спину наговорила, или ядом плюнула.

– Да не учла, что на куртке целый рой сидел. Или не увидела. Смеркалось ведь уже. Что ж повезло. Крупно повезло. Хотя нет, это малышам моим спасибо сказать надо. Чувствуют они зло. Чувствовали.

В сарае появился черный пакет, веник, совок. Любимая куртка больше не приносила радости, поэтому легла на дно первой, почти вся сверху она оказалась засыпанной черными маленькими трупиками работающих насекомых.

На пасеке был объявлен траур. Практически все поголовье пало, защищая своего хозяина. Необходимо было найти новых друзей. До зимы времени оставалось все меньше и меньше. Можно конечно наворовать несколько семей у других пасечников, живущих в других районах, но совесть не позволяла это сделать.

– Надо отправляться за дикими пчелами. Я то, теперь их чувствую и слышу, значит должен управиться дня за два. Что ж, попробуем! – сказал он вслух, и пошел готовиться к путешествию.

Собрать все необходимое оказалось гораздо легче, чем уговорить мать. Она никак не соглашалась отпустить его в путешествие сегодня. В конце концов они договорились на начало следующей недели.

В оговоренный день, старенький автомобиль, специально переделанный для нужд пчеловодов, распахнул свою дверь, и впустил внутрь будущего путешественника. Он словно ждал своего часа, и завелся, как говорится «с пол-оборота». Би́мен подождал, пока температура, не достигнет необходимой величины, выжал сцепление, включил заднюю передачу, и не спеша выкатился из гаража. Заглушил двигатель, посидел молча, глядя через руль, затем открыл дверь и пошел в дом за вещами.

Мать умудрилась приготовить в дорогу целый пакет еды, немного денег, и каких-то вещей, по ее мнению просто необходимых. Когда он выходил на улицу, она украдкой перекрестила ему спину: «Езжай с Богом, сынок, возвращайся скорей!»

5. Майский

Автомобиль двигался в сторону объездной дороги, водитель хоть и не решил пока куда он поедет, но уже интуитивно склонялся к северному маршруту. Вроде как там не сильно обжитое место. Несколько наполовину заброшенных деревень, дворов в десять-пятнадцать. Рассудок был чист, а лишние мысли сразу же выдувало в открытое окно. Радио еле слышно, что-то пело, но больше для фона, чтобы чем-то разбавить шум двигателя. Бимену не нравилось, когда музыка орет так, что себя не слышно, тем более за рулем. «Интересно, – думал он. – Кого в попутчики я бы сейчас взял?»

Вариант №1: Грудастая длинноногая девица.

Во-первых, что толку, что она с такой привлекательной фигурой? Я же не буду смотреть на нее всю дорогу. Нет, не буду. Безусловно, мне будет приятно, что обладательница таких умопомрачительных холмов и впадин сидит рядом, но кроме этого, плюсов больше нет. Да и поговорить с такими не о чем.

Вариант №2: Парень, путешествующий автостопом.

Тоже не самый лучший экземпляр человеческой особи. Сто процентов, что это вонючий зануда, который начнет хвастаться какими-нибудь достижениями.

Вариант №3: Семейная пара.

Ну, эти вообще могут маньяками оказаться. Будут сзади меня сидеть и шушукаться, или обсуждая меня или, замышляя, что-то коварное.

Последний поворот остался позади, и колеса машины выехали на трассу федерального значения. Тут можно было немного расслабиться, сильно оживленного движения нет, опасных поворотов, или населенных пунктов тоже не предвиделось. Ближайшие полчаса точно. Можно было насладиться хорошей скоростью, и дать просрать движку. Если бы не одно «НО» – год выпуска. Через пару месяцев можно задувать выхлопной трубой тридцать три свечи на праздничном пироге. Возраст Христа. Любое авто, доживая до этих лет, переосмысливает прожитую жизнь, и начинает готовиться или к путешествию в музей, или в шаловливые руки какого-нибудь подростка. Который первым делом, вместо того, чтобы отрегулировать двигатель и подварить днище, спиливает крышу, делая кабриолет. Устанавливает невероятно громкую магнитолу, с сабвуфером в багажнике, и естественно перекрашивает в двух или трехцветный окрас. У этой машины была судьба другая. Она будет работать на пасеке, пока не прогниет насквозь, после чего ее заварят, и она дальше будет ездить. Крейсерская скорость в девяносто километров в час нашего героя вполне устраивала. Насиловать свою старушку он не собирался.

Бимен ехал, и внимательно прислушивался к окружающей обстановке, в поисках новых пчел. Раньше, чтобы поймать рой нужно было обладать изрядной долей везения. Зато теперь он их не просто слышал, или чувствовал, где-то внутри, появлялись непонятные вибрации, по которым определялось наличие медоносного летного состава, находящегося в пределах прямой видимости. Сейчас вибраций не было практически никаких, и эта пустота внутри была схожей с потерей близкого друга, который несколько лет жил рядом с тобой, а потом уехал. Он забрал с собой частичку тебя, поэтому его не хватает, поэтому так грустно и не можешь найти себе место. В такие моменты Бимен искал утешение в работе, что-нибудь делал своими руками. Что угодно, лишь бы не сидеть без дела, но за рулем-то особо не порукодельничаешь. Он покрутил рукоять настройки волны приемника, вначале в одну сторону, потом медленно в другую. Прослушав, все, что предлагали ди-джеи, решил вообще выключить радио принимающее устройство. На горизонте показалось что-то темное, находящееся на его полосе движения. «Ну, наверное, какой-то попутчик» – подумал водитель древнего авто. И правда, человек двигался по тому же пути следования, что и он, но гораздо быстрее пешехода, потому, что ехал

на велосипеде, на хорошем дорогом велосипеде. Пчеловод обогнал его, объезжая подальше – от этих людей всего можно ожидать, и продолжил движение по заданному маршруту.

«Попутчики появляются неподалеку от сел и деревень, ну или тех мест, куда можно доехать, – после недолгих умозаключений догадался он. – Придется потерпеть, хотя, признаться откровенно, я согласен даже на вариант №2, можно послушать нудню или хвастовство какого-нибудь придурка». Бимен тут же осекся и принялся рассуждать:

– Если я положительный герой, могу ли я ругаться на людей, дразнить их, и считается ли это злыми поступками? Хорошо, вслух никого обзывать не собираюсь, но мысленно, могу ли я назвать придурком какого-нибудь идиота, или же предложить ему поцеловать себя в задницу? Нет, безусловно, будет неприятной ситуация, когда я подумаю, а пчелы выполняют мой приказ буквально. Поэтому надо контролировать свои мысли. И все же, получается, что если не представлять никаких действий, то можно мысленно, или вслух, но не громко конечно, называть людей так, как они того заслуживают в той или иной ситуации. Вот и ладно, вот и договорились, а теперь немного развлечемся. Пора немного поиграть.

Суть дорожной игры заключалась в озвучивании того, что происходило сейчас, в чудовищно-ужасной песне собственного, моментального сочинения. Мотивом для музыкальной композиции обычно служила песня группы «Ленинград». Под эту мелодию можно спеть все, что угодно.

Я поехал пчел ловить, буду я их всех любить.
На дороге никого, кроме педа одного.
Он не педик он педал. Педали педалировал.
Попой крутит не спеша, ишь как булки накачал.
Дальше путь я свой держу, я пою и громко ржу.
Будет кто-нибудь еще – я спою и про него.
Вот навстречу едет Зил – за рулем сидит дебил.
За дебилом едет лось. Он погнул вторую ось.
За лосем какой то пень. Пень в дороге целый день.
Рядом с ним сидит жена. Все! Спокойствию хана.
Он бы задушил ее, и по-тихому утек.
Получил потом бы срок, ждал бы в камере звонок.
Дальше еду я опять, надоело мне орать.
Надоело мне орать, буду песню прекращать.
Супер, супер, супер гуд! Все нормально, супер гуд!
Супер, супер, супер гуд! Все нормально, супер гуд!

Настроение заметно улучшилось, к тому же безлюдный пейзаж стал меняться – появились небольшие домики, с палисадниками и огородами. Возле некоторых блуждали куры или гуси. «Хорошо, что деревня не на трассе находится, а чуть поодаль, а то обязательно курицу бы задавил. Знаю я, как они любят выскакивать перед машинами, – подумал заметно оживившийся супергерой. – Так! – размышлял он дальше. – Если есть гуси, значит должен быть где-то недалеко водоем, а открытую воду всегда любят пчелы».

Но как быстро селение началось, также быстро оно и закончилось. «В следующий раз, когда очередной поселок буду проезжать, скорость сбавлю, чтоб рассмотреть все внимательно, может, почувствую что, или кого» – продолжались внутренние размышления.

Вместо поселка оказался съезд налево, а рядом с дорогой стоял старый указатель. «Майский» – было когда-то написано на новой красивой табличке, сейчас же там остались только части букв. «О, то, что надо, – промелькнуло в голове. – Дальше от цивилизации, ближе к природе. Даже если не найду ничего, грибов наверняка насобираю». Автомобиль притормозил,

пропустил встречу, и, вывернув колеса влево, съехал на примыкающую к трассе грунтовую дорогу.

Откровенно признаться, дорогой это можно назвать с натяжкой, хотя словосочетание грунтовая дорога уже изначально какое-то обманчивое. Грунт это земля. Значит земляная дорога, дорога на земле, или из земли. А то, по чем сейчас двигался искатель пчел, больше напоминало две тропинки, идущие параллельно друг другу. Видно было, что деревня почти заброшенная, а может и не деревня это, а дорога на поле, где траву заготавливают. Отбросив все сомнения, сев поближе к рулю, и включив вторую передачу, путешественник не спеша катился к своей заветной цели.

Порыв ветра закружил пыль, поднятую колесами, и бросил ее в раскрытое окно, после чего из салона послышался кашель, и окно тут же закрылось. А автомобиль переключился на третью передачу, и, следуя поговорке «больше скорость – меньше ям», уже не так лениво двигался, а весело покачивался, подпрыгивая на кочках и ухабах.

После десяти минут болтанки, водитель начал было подумывать о том, что бы повернуть назад, в противном случае, его голова могла просто оторваться. Но отступить было поздно, дорога все-таки должна куда-то вывести. Хоть куда. И, хвала небесам, впереди показался лес, возле которого была развилка. Один путь вел в самую чащу, к кровожадным комарам, а другой, пролегая в тени деревьев, вел в селение, расположенное прямо на опушке леса. Дорога делила деревню на две половины, расположенные друг напротив друга. На одном краю был пруд, на другом лес. Хотя, на самом деле он окружал деревню до самого пруда. В лес решено было потом, как-нибудь съездить, а сейчас надо выяснить состояние поселка, к которому приближался автомобиль нашего героя.

Деревушка появлялась постепенно, вроде как, выглядывая из-за леса, и когда она набралась смелости, и вышла оттуда, то сразу появилась и другая сторона улицы.

Некогда шумная, с кучей бегающих ребятишек, с уютными домиками, и цветущими палисадниками, с бельем, сохнущем во дворе, кудахтаньем кур, и прочими атрибутами жизни, сейчас представляла собой жалкое зрелище. Краски покинули эти места, дома выглядели серыми и заброшенными, о том, что здесь по-прежнему живут люди, можно было догадаться по звукам, доносившимся отовсюду. Где-то лаяла собака, где-то уронили ведро, кричали петухи. Окна машины были закрыты, поэтому водитель не слышал ничего, кроме урчания двигателя. Однако он уловил какое-то пчелиное присутствие в этом районе, оставалось найти их и забрать с собой. Даже и не знаю, какая часть плана была сложнее. Найти или забрать.

Доехав примерно до середины деревни, Бимен впервые увидел жителя здешних мест. Долговязый, в телогрейке на голое тело, с непонятного вида штанами, вытянутыми на коленках и в очень древних кроссовках. Он, не торопясь, будто крадучись, переходил через дорогу, направляясь к дому напротив. Поравнявшись с ним, автомобиль остановился, водитель подождал пока ляжет пыль поднятая колесами, распахнул дверь, вылез из кабины и остановился, облокотившись на дверь. Он то, думал, что на него сейчас обратят внимание, но ожидаемое и не думало осуществляться. Местный теперь очень медленно подкрадывался к штaketнику. Что ему было нужно, оставалось пока загадкой, но вел он себя настолько по заговорщицки, что просто не мог остаться незамеченным. Бимен теперь даже боялся дышать, чтобы, не спугнуть разворачивающееся действие.

Между тем, стало видно, куда крался мистер неадекватность. Объект его притязаний находился на бетонной дорожке, возле покосившейся калитки. Огромный рыжий кот, разлегся на солнце и мирно спал, не подозревая о том, что к нему кто-то приближается.

Мужичок, придерживая телогрейку на груди, стоял над неподвижным животным. Он что-то достал из кармана, сунул в рот, а затем как-то собрался, словно приготовился к прыжку, наклонился ближе к коту и издал жуткий свист.

Любой человек от такого внезапного звука потерял бы сознание, не то что, бедное животное, которое не контролируя свое тело, подлетело в воздух, отчаянно перебирая лапами. И именно в этот момент, затаившийся дракон в телогрейке, нанес сокрушительный пинок, и послал кота в стратосферу. Пронаблюдав за полетом котонавта, и за его успешным приземлением за забором, он, довольный собой развернулся, чтобы уйти по своим, никому не нужным делам, но встретился взглядом с путешественником, наблюдающим за ним.

Реакция пинателя кошек, была практически такой же, как у рыжего кота, несколько секунд назад. Он подпрыгнул на месте от того, что дернулся, сразу весь, словно его застучали за чем-то неприличным, затем он как-то весь съежился, глазки забегали, а изо рта полились бормотания про то, что кошки повсюду, мышей никто не ловит, а они валяются и спят.

Дослушивать оправдания придурковатого мужичка наш супергерой не стал, а прервав его на полуслове спросил: «Слушайте, дружище, а здесь есть, где-нибудь пасека?»

Сообразив, что приедем наплевать на своеобразное поведение, и что ему что-то нужно, мужичок сразу приосанился, приблизился к незнакомцу, резко выбросил вперед правую руку, с открытой ладонью и направленным на гостя большим пальцем: «Позвольте представиться, Бартеломью!»

6. Бартеломью

В это самое время, в городке, откуда недавно выехал Пчеловек, начали появляться слухи о том, что местную ведьму покусали пчелы. Недостаток информации жители компенсировали своей неумной фантазией, благодаря которой, в разных районах города уже через несколько дней история звучала по-разному. Можно было даже подумать, что это разные истории про разных людей. Вот несколько из них:

- Ведьма решила завести пчел, но неумело залезла в улей.
- Нет, не так все было. К ней на дерево сел целый рой, а она решила его магией снять.
- Да что вы выдумываете, она какой-то обряд совершала, когда обмазываются медом, а потом колдуют.
- А я видел, как она стояла и била палкой по осиному гнезду.
- А может ее другая ведьма прокляла? У них же конкуренция, наверно.
- Да не ведьма, а мужик какой-то, она ему что-то сделала, а он на нее пчел натравил.

И так далее, и так далее, и так далее... Финальная история походила на какой-то мистический триллер:

«Между ведьмами была давняя вражда из-за мужика одного. Они в него обе когда-то влюбились. И одна из них убила его, чтобы он второй не достался. А мужик тот пасечником был, и душа его после смерти в пчел вселилась. Ведьмы прознали, что если обмазать медом этих пчел покойника, то можно своего любимого воскресить. И самая коварная из ведьм, та которая убила мужика того, подкараулила противницу, когда та будет на пасеке, облила ее медом и принялась улья крушить. А пчелы вылетели, собрались в один большой рой, узнали убийцу их хозяина, и зажали ее до смерти. А потом подлетели ко второй, облепили ее, хотели мед с нее весь собрать, да испугали ее. Она начала отгонять их, и они ее покусали. И ведьма эта, не ведьма теперь, а простая старуха».

Альтернативных концовок у истории было великое множество, но почти во всех упоминалось о том, что ведьма лишилась если не всех, то какой-то части своих магических способностей. Поначалу Ален забавляли, те истории, которые она слышала краем уха где-то или на рынке, или в магазине, но потом поняла, что теряет свое авторитет в глазах окружающих, что перестают бояться ее. Раньше, истории рассказывались пугающим шепотом, и как сказки они хорошо не заканчивались, а теперь? Такое ощущение, что сериал какой-то пересказывают. Никакого страха. А в конце истории так вообще конец ведьмы. «С этим надо что-то делать» – решила она, но пока еще не придумала что. Чувствовала она, что какую-то роль должен сыграть сын пасечника, и скорее всего, трагическую роль.

Пчеловод-путешественник припарковал машину возле дома своего нового знакомого, который оказался на редкость болтливым человеком. Не в смысле «тараторил без остановки», а в смысле не было остановки в его историях, и одна плавно перетекала в другую, и являлась началом третьей. Конечно, большая часть информации была важной только для болтуна, но он очень хотел поделиться ею со своим новым знакомым. Всегда приятно, когда тебя слушают, а если это новый человек, который не знает про тебя ничего, то для него ты можешь быть кем угодно. А приврать-то, мы все любим.

Отвечая на вопрос о пасеке, Бартеломью как-то так легко и непринужденно перенес разговор в то время, когда рассказчик был молод, а слушатель только появился на свет. Манера излагать была настолько необычной, что невольно начинаешь заслушиваться. Погружаясь в повествование, гость представил себе, как маленькая девочка лежит в кровати, а отец

ей рассказывает, только что выдуманную историю. Медленная неторопливая речь, как журчание ручья, буквально убаюкивала юную слушательницу. И хотя дочь и слушала сказки очень внимательно, но чем они заканчивались, не знала, потому что дослушивала в лучшем случае до середины.

А сейчас, видя, как соловеют глаза гостя, уставшего с дороги, видя, как мутнеет его взгляд, когда сознание начинает рисовать в воображении картинку описываемого, он резко прервался, и предложил прогуляться к тому месту, о котором рассказывал. Речь шла о старой заброшенной пасеке, за которой не ухаживают уже лет двадцать. «Слушай, – сказал он. – Давай-ка мы с тобой сейчас перекусим немного, потому что гулять на свежем воздухе рекомендуют на сытый желудок. У меня все равно до вечера никаких дел не намечается. Ты, я вижу, как-то опасливо держишься меня, думаешь, на сумасшедшего нарвался. Ну что ж, есть и правда в твоих опасениях. Но не бойся, я если и псих, то не опасный. Знаю много чего, а поговорить не с кем». Он отворил калитку, приглашая, войти в дом, отговорки типа: «я ненадолго, да я спешу», даже и слушать не стал, а просто прошел в дом, оставив дверь открытой. Бимен стоял на крыльце и думал, что делать. Окрик: «Что стоишь, дверь закрывай, мухи летят!» – Заставил Бимена принять единственное решение в этой ситуации.

О жилье разговорчивого отшельника особо и не расскажешь. Считается, что дом без женской руки, как бы становится неуютным, но на самом деле, если мужик не алкаш запойный, или не грязнуля какой-нибудь, то чистота и порядок будут поддерживаться постоянно. Кухня, где расположились новые знакомые, была на редкость старенькой, с ветхим буфетом, очень древней плиткой на две горелки и столом, на четырех облезлых ножках. Гость огляделся: чего-то не хватало, чего-то белого и высокого, того без чего не представляют себе кухню. Хозяин заметил это, и незамедлительно выпалил:

– Что, потерял что-то? Или думаешь, где же этот маньяк свои орудия пыток прячет? В фильмах там как, там везде грязь, труп недоеденный на столе лежит, на стенах следы крови и чего-то еще, на полу царапины, оставленные ногтями, когда кого-то за ноги тащат. А у меня погляди, все чисто, не воняет, с мухами борюсь, конечно, держу так сказать оборону, но, сам понимаешь их много, а я один. А еще, слишком маленький у меня домик, для развлечений такого рода. Комнат то всего две: гостиная, да спальня, чулан я за комнату не считаю.

– Холодильника у вас нет. Думаю, откуда продукты доставать будете? – попытожил свой осмотр Бимен.

– А зачем нам продукты? Мы чайку с печениками попьем, ножки наши отдохнут, и пойдём.

Из под стола появилась табуретка – «Вот, садись, давай! Придется немного подождать пока вода закипит». Пододвинув под себя сидушку, а заодно проверив прочность конструкции, гость опустил тело на отполированную полами деревянную поверхность.

Теперь он мог, как следует рассмотреть «придурковатого мужика». На вид за пятьдесят, определить сколько точно, мешала реденькая бороденка, которая не висела куделью как у священнослужителей, а была пострижена, правда не совсем аккуратно, и даже не совсем ровно. Глаза посажены глубоко и близко друг к другу, брови густые и нависают над глазами. Все это спрятано за стеклами очков, без оправы, которые висят на длинном носу. Дополнением к портрету будет худощавое телосложение, с впалой грудью и сутулой спиной. Все это одето в выгоревшую телогрейку и старые спортивные штаны с лампасами. Кроссовки с резинками от трусов вместо шнурков остались на крыльце, рядом с резиновыми сапогами и стоптанными комнатными тапочками. Судя по количеству обуви, жил он один.

На столе появился пакет, с квадратными печениками. В заварной чайник была насыпана какая-то трава, и залита кипятком. Потом из буфета были извлечены чашки, сахарница, ложечки, и все это стояло теперь на столе, и ждало возвращения хозяина, который отправился в путешествие за второй табуреткой. С добытым трофеем, гордо неся его перед собой, он был

снова на кухне уже через минуту. А еще через минуту они сидели и пили свежий чай, под рассказ о том, как и из чего нужно делать такую вкусотищу. Как его правильно заваривать, и догадался ли гость, что за травы были собраны для лучшего вкуса.

Ну а когда все было выпито, и наступила долгожданная пауза, оба человека сидели, вытянув ноги, и молча, смотрели друг на друга. Тишину послеобеденного расслабления нарушил тот, что помоложе: «Спасибо». Второй выдержал театральную паузу: «Наздоровье! – одним словом произнес он. – Сейчас, чашки уберу, и прогуляемся с тобой. Иди, пока обувайся, я скоро. Жди у калитки».

Бимен стоял, облокотившись на штакетник, и размышлял. Что же это за человек такой, вроде как дурачок местный, и одет как зря, и живет особняком, и поведение загадочное, а речь грамотная, приятно послушать, да и в доме все на своих местах. Странно. От раздумий его отвлекла женщина, которая везла на тележке флягу, судя по звуку, который та издавала, пустую. Она прогромыкала мимо, не проронив ни слова, но при этом глазами не только осмотрела, но и успела обыскать приезжего и его машину. «Вот, смотри, сейчас станет у колонки, и будет полчаса воду набирать» – прошептал в самое ухо, неизвестно откуда взявшийся Бартеломью, который успел сменить ватник на олимпийку. – «Хотя дома у нее воды полным-полно. Отгадай, зачем все эти манипуляции? Чтобы посмотреть, кто приехал, к кому, куда пошли потом, что делали. А через десять минут весь хутор будет не только знать тебя в лицо, но и безошибочно определит цель твоего визита».

– Это как Шерлок Холмс что ли, со своим методом дедукции?

– Бери выше, как нечистая сила! Я тебе по секрету скажу: те бабы, что не замужем, – ведьмы. Только ты никому, тебе все равно не поверят. Только выставишь себя в глупом свете. Подождать надо чуть-чуть, сейчас она с краном начнет ковыряться, задом к нам повернется, так сразу и пойдем.

Спустя несколько минут два заговорщика, уже весело шли по сырым тропинкам густого леса.

– А зачем тебе пчелы? – задал вопрос, после недолгой паузы Бартеломью. – У вас же в городе все продается, или у тебя денег нет?

– Деньги-то есть, но покупные они не такие. Мне другие нужны, сильные выносливые, а таких не купишь. Наши городские, они конечно хорошие, трудолюбивые, но, как бы это сказать, изнеженные что ли. Чуть только хворь какая, или зараза, – все, половина гибнет. Мы же подкармливаем их, балуем, они отродясь голода не знают. Нет рядом цветов медоносных, мы их везем за тридевять земель.

– Позвольте нескромный вопрос, юноша? А что же вы с ними делать-то собираетесь? Не воевать ли? Или ты хочешь, чтобы они тебе мед флягами носили?

– Мои погибли почти все, осталось пчел двадцать. И я хочу... Знаете, когда собаку взрослую покупаешь, дрессированную уже – это одно, а когда ты щенка подобрал, и вырастил его – это совсем другое.

– Так и терять дороже, если случись чего. В смысле больше. Друг ведь, близкий! – от этих слов местного жителя будто подменили. На какое-то мгновение он стал угрюмым и молчаливым. Словно стряхнув с себя это наваждение, он хитро сверкнул стеклами очков и спросил:

– Нет, по-моему, ты темнишь, парень! Не для меда тебе такие пчелы нужны, если ты с ними как с другом собрался себя вести! – он выдержал паузу. – Или же ты псих. И твое отклонение, покруче моего, будет.

– Я вам потом расскажу, после всего. Если конечно, вам интересно слушать будет. Скажите лучше, куда мы идем?

– У нас на хуторе были у одного пчелы, да он когда помер, его дети все и продали. А вот в соседней деревеньке, «Ветреное» называется, там пасека была о-го-го! Не помню уже, как хозяина звали. Молодежь поразъехалась вся, а старики вымерли потихоньку. Раньше-то как

было? Люди у лесов землю отвоевывали, деревни росли дома новые строились, а потом, те кто мог, с детьми в город уехали, да про родину свою забыли, а старики дожили свое, и все – нет деревни. Вот лес и давай обратно свое забирать. Туда кроме меня сейчас и не ходит никто, видишь: тропа заросла совсем, а я груши люблю. Там как раз по соседству с пасекой сад хороший был, и деревья не переродились еще.

От меня час примерно топать, на велике быстрее будет, да у моего камера от старости порепалась уже, а на ободах не могу себя заставить ездить. Может потом, когда совсем из ума выживу, и буду железками греметь, а пока не хочу, да и нужды великой нет. Это у кого хозяйство, тому конечно и тележка нужна, и транспорт, чтоб для скотины заготовки делать, а у меня только перепелки в клетке сидят – яйца несут. Так они как свиньи, только маленькие, жрут все подряд, что не дай. Продукты я раз в неделю покупать хожу в соседнюю деревню, ты проезжал ее, если с юга ехал. Хлеба свежего да крупы с консервами, котлеты если беру, то их сразу умять надо – холодильника, как ты заметил нету. Но больше всего радость доставляет чай с печеньками. Никогда не надоест. Ну и груши, конечно, их и целого ведра на день может не хватить.

Вдруг, внутри Бимена что-то екнуло, он почувствовал где-то рядом пчел. Теперь он мог идти без своего гида, ориентируясь на внутреннее состояние. Откровенно признаться, он уже слышал, что происходит вокруг, краем уха. До сознания доносились лишь обрывки фраз, содержание которых сейчас ему были совершенно не интересны.

7. Пасека

По мере того, как искатели приключений приближались к заветной цели, с Бименом начали происходить какие-то изменения. Понятное дело, внешне они никак не проявлялись, но его внутреннее напряжение, почувствовал неумолкающий провожатый. Спустя некоторое время он понял, что его не слушают, и замолчал. Обстановка вокруг становилась такой натянутой, что если бы в ту минуту на тропинку выскочил ежик, или белка, то те двое которые теперь не шли, а скорее крались, обязательно бы взвизгнув подпрыгнули. Пчеловод от того, что не мог разобраться в том, что чувствовал, а местный житель скорее за компанию, чем от испуга.

Тропинка вышла из леса, и тянулась вдоль густых зарослей терновника, нависших над забором из кольев и веток, сплетенных воедино.

Когда-то красивый и практичный плетень создавал отличную защиту от растений, животных, и хулиганов, которые любят лазить по чужим огородам. Теперь он служил каркасом, основанием для живой изгороди, появившейся, когда люди покинули это место.

Перебраться через такую преграду было возможно, только имея при себе лестницу, которую естественно, никто не взял. Зная как проникнуть внутрь, Бартеломью повел экспедицию в обход. Вскоре они стояли и смотрели на покосившиеся ворота. Краска с них слезла, доски кое-где прогнили, а вот калитки просто не было. Не было на своем, привычном для калиток, месте. Она стояла слева от входа, и опознать ее в кучке полуистлевших щепок можно было по дверной ручке, и кое-где сохранившимся лоскутам краски. Вероятнее всего она кому-то мешала. Поэтому ее сняли с петель, и отставили в сторону.

Дом утопал в зелени. Лес не спеша забирал то, что у него отняли много лет назад. Молодые деревца росли везде. Старый сарай, с провалившейся крышей, больше напоминал огромный кустарник, росший из бревенчатой коробки. Чтобы подняться на крыльцо, и войти в дом, пришлось бы раздвигать стебли, уже основательно укоренившейся крапивы, вперемежку с бузиной. Но в дом путешественникам и не нужно было. Одному хотелось груш, а второму пчел.

Бимен уже видел брошенные деревни несколько раз, но с таким запустением столкнулся впервые. Он будто бы попал на съемочную площадку приключенческого фильма, об искателях затерянных сокровищ. «Скорее всего, – думал он. – Еще до того, как люди покинули это место, здесь уже было не совсем, так сказать ухожено. И наверное, именно поэтому, такое впечатление, что тут пусто, как минимум лет пятьдесят. Хотя, по словам Бартеломью, хозяин здешнего дома оставил его около четверти века назад». – Закончил мысленный диалог Бимен, и попытался проникнуть на огород.

Бурьян, отделявший вытоптаный земляной двор от участка, был выше человеческого роста и полностью загораживал видимость. Выручил, оказавшийся рядом попутчик, который знал секретный проход, ведущий в сад.

Рядом с сараем находилась каменная дорожка. Над ней склонились ветви жгучей крапивы вперемежку с какими-то колючками, образуя своеобразный тоннель. Беспрепятственно передвигаться по нему мог только ребенок.

Отодвигая нависавшие стебли рукавами, Бартеломью ловко преодолел этот отрезок пути, чего нельзя сказать о его госте. Который был в футболке, и не спешил вступать в тесные отношения с кусачим растением. Медленно, втянув голову в плечи он, то вращаясь, пригибался, то опускаясь почти на корточки, двигался гусиным шагом. Чем сильно порадовал своего спутника. Когда препятствие было пройдено, Бартеломью одарил нашего героя своей лучшей лучезарной улыбкой. Но улыбка была авансом, по сравнению с тем, что увидел Бимен спустя несколько секунд. Он буквально захлебнулся от восторга. Казалось, его организм утратил способность выдыхать.

Внутри живой изгороди находился практически не тронутый тленом сад. Участок земли делился на три равные части. Дом с сараем и двором, сад с фруктовыми деревьями и кустами ягод, и огород.

Сильнее всего от времени пострадал огород, вместо него теперь была степь. А вот участок с деревьями, остался не тронут. Только трава выросла такой густой, что стала похожа на ковер с естественным покрытием. Деревца конечно без обрезки немного заросли, но совершенно не выглядели дикими. А между рядами, на равном расстоянии друг от друга, стояли пчелиные домики.

Постройки были необычные, и больше напоминали многоэтажные избушки на курьих ножках и под соломенной крышей. Были даже бутафорские окошки и наклеенные двери. Все это в таком рубленом стиле, и что удивительно, в прекрасной сохранности, что хоть сейчас забирай, и вези на выставку. Где если не первое место, то приз зрительских симпатий обеспечен наверняка.

Вокруг летали полосатые трудяги, но было их не много. Для такого количества ульев, численность насекомых была ничтожно мала. Би́мен попытался на глаз определить, какие из домов пустые, но не смог с потому как все абсолютно, выглядели одинаково. Тогда он попробовал прислушаться к своим скрытым чувствам. Тоже безрезультатно. Нет, он чувствовал их, но не так как прежних, своих. И они его совершенно не слышали, или не слушали. Они занимались своими делами, и не обращали не малейшего внимания на присутствующего рядом человека. Хотя этот человек тужился изо всех сил, посылая им мысленные команды, погружаясь в мысли все глубже и глубже.

– Эй! Как там, тебя... Би́шмент! Ты что заснул что ли? Или припадок какой? Стоишь, не шевелишься! – кто-то теребил плечо супергероя. – Ты не выключайся, я тебя до дома не дотащу! – продолжал голос. – Хватит бельма таращить! – звук становился все тише и тише, нарастал какой-то шум, или гул, похожий на звук трансформатора. Он становился все сильней и насыщенней, вытесняя звуки голоса, который уже переходил на повышенные интонации. А затем что-то сверкнуло в голове, раздался звук, будто хлопнули в ладоши. Потом еще вспышка, еще. Гул начал откатываться, уступая место реальности. Снова вспышка и шлепок. Стала возвращаться чувствительность кожи, появилась тупая боль на скулах, щеки загорелись огнем. Появилось мутное изображение, которое приобрело очертания, разглядывающего вплотную, «глаз в глаз», Бартеломью.

– О! – произнес он. – Зрачки зашевелились, ожил, значит. Аллилуя! Восславим Господа! Что ж ты, придурок, сразу не сказал, что припадочный? Я б с тобой и не пошел бы никуда. Ты хоть чувствуешь, когда эта хрень у тебя начинается? Предупредить в следующий раз сможешь?

– Какая хрень? – попытался произнести, почему-то, распухшими губами пчеловод. – Что случилось? Странно, лицо зудит. – он почесал щеки ватными пальцами. – Я сознание потерял, да?

– Ну, как сказать? Не успел.

– Пойдемте отсюда. Что-то тут не так. Это какие-то неправильные пчелы.

– Дай-ка я догадаюсь! Они делают неправильный мед. Да?

– Скажите, а можно у вас на денек остаться? Не ожидал я, что будут не большие сложности. Переоценил свои возможности.

– Тогда пошли в соседний дом за грушами.

Они ушли не оборачиваясь, добрались до соседнего участка, насобирали сочного, ароматного, зернистого лакомства. Из кармана олимпийки Бартеломью был извлечен пакет, который быстро наполнился собранными и сорванными фруктами.

Обратно они шли молча. Каждый думал о своем. Тот, что постарше, не хотел надоедать второму с вопросами, которых с каждой минутой становилось все больше. Второй же, не мог понять, что случилось с ним, и с его суперспособностями. Смятение, которое он испыты-

вал, усугублялось обмороком, и свидетелем всего происходящего. Да не просто свидетелем, а можно сказать участником.

– Ну а что ты думал? Придешь весь такой красивый, скомандуешь: «К ноге!» и все, рой выстроится в колонну по одному, сядет за руль твоей машины, и доставит до дома? – продолжал рассуждения несостоявшийся пчеловод.

– Ну, откровенно признаться, я так и думал. А тут вон какая закавыка! Во-первых, они меня не слышат, во-вторых почему я начал терять сознание, и в-третьих что делать дальше. И пока я не отвечу на первые два вопроса, о третьем не может быть и речи. Ладно, что-то долго мы, как оказалось, путешествовали, вроде уже смеркаться начинает. Надо переспать с этими мыслями, а там глядишь, и решение найдется.

– Слушайте, Бартеломью, угостите-ка меня своими грушами, а то я так почему-то ни одной еще не попробовал. Интересно вкусные они, или как дичка обычная.

Спутник, молча раскрыл пакет. Похоже, что разговаривать он не собирался, тоже наверное о чем-то думал. О чем-то своем.

– У нас в поселке есть мужик один. Я тогда маленький был, когда его первый раз пьяным увидел. – Би́мен решил не оставлять в покое старика. – Удивился почему он так странно разговаривает. А он наклонился ко мне и говорит: «Это я, пацан, груш диких наелся. А они рот вяжут, вот язык-то мой и еле ворочается. Понял?» А я ему: «Дядь, а зачем ты столько много съел?» А он потрепал меня по голове, улыбнулся, и пошел дальше, по своим делам. Так я с тех пор, если пьяного вижу, думаю: «Вот, еще один дички наелся».

Немного подумав, старик запустил руку в пакет, и достал оттуда спелый плод. Как бесценный, хрустальный артефакт, Бартеломью бережно, с любовью и нежностью поднес его к лицу, и вдохнув сладкий аромат, на секунду замер. Потом потер грушу о себя, осмотрел ее со всех сторон, выбрал какой-то определенный бок, и с упоением вонзил свои старые зубы в сочную плоть. Радостно зачмокав, он замычал от удовольствия. Полминуты спустя, с грушей было покончено. От нее осталась только веточка.

– Вот, ответь мне на вопрос, мой прозорливый друг! – старик смотрел через палочку на пчеловода. – Где у груши носик, а где жопка?

– Как, где? Хвостик растет из жопки, а носик, стало быть, с другой стороны.

– А у нас на хуторе считают иначе! – и старик улыбнулся так, словно знал, кто убил Кеннеди. – То, что ты называешь носиком, по форме больше напоминает жопку. Не находишь? – он сделал паузу, давая понять сказанное. – Так вот, получается что груша висит, подвешенная за носик, жопкой вниз. Округлой и широкой. Даже своей формой она схожа с человеческой фигурой, с талией и узкими плечами.

– А веточка у нее прямо из макушки растет?

Бартеломью, довольный тем, что Би́мен понял его, утвердительно кивнул.

– По вашему, получается, что у сливы вообще жопка сбоку. А у яблока их две. Одна снизу, а другая сверху.

– Не, это не по-моему. Я же сказал, что у нас на хуторе так считают. А мое мнение совсем другое.

– Какое?

– Никакое! – Старик широко улыбался, глядя на недоумение Би́мена. – если наделять фрукты какими-то частями тела, то невольно будешь задумываться, что вкуснее, жопка, или носик.

– Все знают, что жопка вкуснее.

– Или носик?

Би́мен поднял глаза к небу, пытаясь сообразить, правильно он сказал, или нет.

«Парень-то в себя пришел, и то хорошо!» – думал, шагая не спеша, гид супергероя. – Какой-то странный он. Хотя нет! Вон как груши уплетает, чую, только пол пакета до дома донесем. Тут главное, не обоссаться потом! Вот что важно.

8. Сказка

Два путника вышли из леса, когда уже начинало смеркаться. Из некоторых домов, фасады которых выходили на опушку, наблюдали. Но путешественникам было совершенно наплевать. Они хохотали, наперебой, показывая что-то друг другу. Издали можно было подумать, что к престарелому отцу приехал сын, и они вместе гуляли по лесу, весело беседуя о чем-то, понятном только им двоим.

Около автомобиля Бимен немного замешкался, но Бартеломью отпер дверь дома и махнул ему рукой: «Чего стоишь? Давай в дом заходи. Сейчас прохладно ночью уже. А мы печку затопим, чаю горячего напьемся. Давай, давай, быстрее!» Для убедительности он еще пару раз махнул рукой, и видя что гость двинулся в его сторону, исчез в темноте коридора.

Только сейчас можно было по-настоящему почувствовать уют этого дома. Теплое освещение, старые вылинявшие обои, запах печки, который не спутаешь ни с чем, занавески на маленьких окошках. Все было такое, хоть и старое, но какое-то родное и близкое сердцу. Войдя внутрь, и вдохнув полной грудью, супергерой почувствовал, что очень устал.

Он прошел на кухню, и застал хозяина дома, разжигаящим печку. Чайник уже стоял на плите, и начинал шуметь нагревающейся водой. «Ты выйди в коридор, и иди дальше, пока не выйдешь во двор. Там рукомойник есть. Рядом с ним фляга стоит с ковшиком. Набери его, да помойся. Руки там, лицо. Неизвестно какая пыль и плесень была в тех краях, откуда мы с тобой пришли. На, полотенце возьми! Мыло на кирпичике должно быть, рядом с флягой!» – Выдал назидательные указания старик со спичками.

Следуя полученным инструкциям, изможденный путешественник оказался во дворе. Оказывается, коридор прошивал домик насквозь. И если никуда не сворачивать, двигаясь по нему, то попадаешь во двор, где был большой сарай, пристроенная к нему мастерская и туалет. Строения расположились в ряд, с мастерской посередине. К углу сарая был прибит старый алюминиевый прибор, носящий гордое и неповторимое название «рукомойник». Неподалеку стояла фляга с ковшом.

Закончив водные процедуры, и заново наполнив деревянную сантехнику водой, сияющий супергерой зашел в теплый дом.

Там его ждал аромат чая, от которого скрутило желудок. На столе стоял, знакомый уже пакет с печеньем, а в чашках дымился самый вкусный в мире чай. Было и что-то новенькое. Из буфета была извлечена литровая банка с медом, и теперь стояла без крышки, и ждала, когда гости начнут макать в нее печеники. «Так, – сказал хозяин лакомства. – Я по-быстрому, умоюсь и приду. Сыпь пока себе сахар, размешивай, и жди».

Сидя на табуретке, вытянув ноги и повернувшись к каменной печке гостя начало морить прямо сейчас. Усталость навалилась всей своей невероятной тяжестью, и повисла на веках. Они тяжелели, глаза моргали, с каждым разом все медленней и медленней. Огонь колыбался в приоткрытой дверце, потрескивали сгорающие поленья, веяло теплом. Глаза уже открывались наполовину, при следующем движении век на три четверти, следующее мышечное усилие смогло пошевелить лишь ресницы. Бой со сном продолжался около минуты. Проигравший сидел, положив голову на грудь, и собрав руки в замок у себя на животе. Воображение начало рисовать мозгу удивительные картинки, а все остальные органы чувств, за ненадобностью выключились. Расслабленные губы приоткрылись, накопившаяся внутри слюна, просочилась через зубы, выбралась на розовое возвышение оттопыренной нижней губы, перевалилась через нее, и капая на грудь, начала образовывать лужицу.

Говорят, что существует даже какая-то технология, благодаря которой можно спать всего полтора часа в сутки. Нашему мозгу достаточно отдохнуть минут пятнадцать после каждых четырех часов бодрствования. За это время можно даже успеть выспаться. Поэтому, тех, десяти

с небольшим минут, сладкой дремы, в которую погрузился наш отчаянный путешественник, с лихвой хватило на два часа последующего бодрствования.

Разбудил его вернувшийся, и посвежевший хозяин жилища. Он положил свою руку на плечо спящего, потом качнул его вперед-назад, и видя что человек покидает царство Морфея, предложил попить остывающий чай, с чудесными рассыпчатым печеньем. То ли голод так повлиял на вкусовые рецепторы, то ли свежий деревенский воздух, только ничего вкуснее этого они давно не ели. Мед был тягучий, и не засахарившийся, чай горячий, и не слишком сладкий, а беседа легкой и непринужденной. Разговор шел о школьных годах, проведенных обоими собеседниками. И хотя расстояние между эпохами было велико, и исчислялось десятками лет, они с легкостью понимали друг друга, пополняя багаж школьных историй рассказанных, и выслушанных.

– Ты как я понимаю, вздремнуть успел, минут так десять, да? – задал вопрос после недолгой паузы Бартеломью.

– Не, если и вырубился, то на минуту, наверное, не больше.

– Судя по количеству слюней, которые успели набежать из твоего открытого рта на футболку, никак не меньше десяти! Давай, иди в гостиную, осмотришь там, а я приберу со стола, и тоже приду.

Гостиная представляла собой небольшую комнату, метра три на четыре, с двумя окошками. Из мебели внутри стоял огромный старинный комод, высотой почти до середины груди, и длинной около двух метров. На нем старый телевизор, какие-то документы, пульта, и ваза с батарейками и всякой всячиной. Между окнами стол со стулом с одной стороны, и креслом-качалкой с другой. У третьей стены стояла маленькая кушетка с валиками вместо подлокотников. На этой стене висел тонкий ковер, больше напоминавший древний гобелен ручной работы.

В другой комнатке, сказать по-другому язык не поворачивается, стояла кровать полуторка на панцирной сетке, накрытая периной и солдатским одеялом. В изголовье, справа, тумбочка с оторванной дверкой.

– Вот такое у меня спартанское жилище! – Прозвучал голос из зала.

– А телевизор работает?

– Да ну его! Там одну ерунду показывают. Я уж и забыл когда смотрел этот говорящий ящик. – сейчас он разворачивал кресло, а сразу после этого уселся в него. Даже неверное не уселся, а улегся. Потому как положение тела было больше горизонтальное, чем вертикальное. – А ты на кушетку ложись. Она не такая мягкая, как кровать, но тебе, видимо все равно уже. – Бартеломью потянулся к столу и взял, лежавший на нем небольшой сверток. – Валик откинь на пол, чтоб было куда ноги положить. – давал он указания Бимену, пытающемуся устроиться на полутораметровой старинной лежанке. – Да не поднимай, а откати так, будто хочешь сбросить его на пол. Не бойся, не упадет. В старину на совесть делали.

И правда, валик-подлокотник оказался одним краем закреплен к лежанке, и откидываясь увеличивал спальное место сантиметров на тридцать.

– А удобная штука, – сделал вывод Бимен. – Надо будет где-нибудь у себя применить. Правда, пока не знаю где.

– Никогда не знаешь, где могут пригодиться те или иные знания. Мудрость – это обладание ими, а смекалка – способность использовать.

– Что вы делать собираетесь?

– Ты ложись, я шуметь не буду. Это подработка такая у меня. Надо ж чем-то заниматься. – Он развернул сверток. В нем лежало с десяток кухонных ножей. Откуда-то из под стола старик достал серый брусок, положил на колени тряпочку, и не торопливыми уверенными движениями принялся точить затупившуюся кухонную утварь.

– А что вы себе точило не купите? С ним же быстрее.

– Я не тороплюсь. Куда мне спешить? Это сегодня ножки, а в прошлый раз тупки с топорами были. Их я в мастерской обрабатываю. Вроде, как и бабам нашим помощь, и для души занятие.

– Это вы типа завхоза здесь?

– Завхоз, говоришь? – задумался на секунду Бартеломью. – У нас в летнем лагере, давно это было, я тогда помоложе тебя был, завхоз работал. Ну сам понимаешь, что эта должность обязывает быть пьяницей и пройдохой. Что-то вроде прапорщика в армии. А ты вот сказал про завхоза, так я сразу его себе представил.

Образ то конечно стирается из памяти, но попробую описать, чтоб легче было представить. Мужичок среднего роста, когда-то был плотный такой, пока страсть к вкусной еде не растянула живот до уровня беременности пятого месяца. Коротко стриженный, голова имеет такую форму, словно ее сдавили на висках, и от этого лоб немного выпучился. Заметно это только, если присматриваться, и сравнивать профиль с ан фасом. В целом, правильные черты на румянном лице создают положительное впечатление. Но лукавые глаза выдают того еще проходимца. Про таких говорят, что когда он появлялся на свет, то вначале выглянул, и осмотрелся. И только после этого решил родиться.

Ну и соответственно должность заведующего хозяйством подходила ему как нельзя лучше. Он мог достать практически все, что можно было только достать, знакомые были во всех немыслимых отраслях. Как спрут он опутал всю территорию лагеря уже недели через две, и управлялся с вверенным ему хозяйством как со своим собственным. Что-то продавал, обменивал, привозил и переделывал.

Был он конечно человеком семейным, но насколько я знаю бездетным. Еще бы, такой красавчик в холостяках долго не продержится. Мужик то видный был. А уж голос какой вкрадчивый, бабы аж таять начинали, когда он с ними разговаривал. Про таких говорят «ходок», хотя в измене замечен и не был.

Ты там не спишь еще, а? – прервал свой рассказ Бартеломью. И видя, что ему кивнули, продолжил. – Это тебе вместо сказки на ночь будет.

Как звали его, я не помню уже. Я тем летом в лагере вожатым работал. Так вот, у него была своя коморка с огромным замком, в которую никто не имел права войти, даже директор. И конечно ходили разные слухи, что он там хранит. Что там было на самом деле, я до сих пор не знаю. Коморка эта была пристроена к пищеблоку.

Изю всех поварих там выделялась одна. Как сейчас помню, звали ее Поля. Внешне вроде обычная бабенка, постоянно носила на лице, как говорить «боевой раскрас». Какой она была без макияжа, для нас была неразрешимая загадка. На эту тему мы могли только фантазировать. А вот про фигуру можно рассказать и поподробнее. Это сейчас я знаю, что не обошлось без хитроумных приспособлений, типа корсетов, и утягивающе-выдавливающих штучков, но тогда, ее пикантное декольте многих напрочь лишало дара здраво рассуждать и принимать решения. А еще она была жутко шумной и, мягко говоря, слегка обделенной умом. Говорили, что когда Господь мозги раздавал, она в очереди за сиськами стояла. Причем поправляла она их постоянно. А если рядом находилась особь противоположного пола, то частота поправлений бретелек, воротничков и одергиваний одежды превосходила все мыслимые.

Учитывая, что из мужчин, кроме нас подростков не было никого, между завхозом и этой красотулей стали происходить непонятные вещи. Это же лагерь, где все про всех знают, и что-то утаить невозможно, потому что обязательно найдется тот, кто что-нибудь увидит или услышит. А хранить молчание будет не по-товарищески, поэтому тайн не было ни у кого. Были еще две странные девчонки, которые держались особняком, и мало с кем общались, но сейчас рассказ не о них.

Во-первых, у тетеньки с пищеблока начали постоянно ломаться вещи. То мясорубка не крутит, то ножи тупые, то вытяжка не тянет, то еще что-нибудь. Естественно, для ремонта

вызывали завхоза, который что-то делал, разбира́л крутил и настраивал. По его внешнему виду было понятно, что работает он с неохотой, а вот лишний раз увидеться со столовской красоткой был не прочь. А она-то как преображалась, когда он был рядом! Речь становилась сбивчивой, ее смести́ла любая мелочь, она постоянно поправля́ла и разглаживала что-то на груди. Он, конечно, все это видел, и тоже начинал флиртовать. За их любовными играми наблюдал весь пищеблок. Кто не видел, тому потом подро́бно все пересказывали.

Поля, достигнув тридцатилетней, отметки ни разу не была замужем. Она постоянно с кем-то начинала встречаться, потом что-то случалось, и они расставались. Не знаю почему такое происходило, может быть из-за того, что она искала не тех, и встречалась не с теми? Может потому что судьба у нее такая, быть одной? А может и не нужно вовсе было ей семейное счастье. Но вот в центре внимания быть она любила, особенного мужского. Если нас, несколько человек вожатых, можно назвать мужчинами, то нашим вниманием она завладела без особого труда. Куда как сложнее обстояло дело с завхозом, который хоть и обращал внимание на Полю, но имел какой-то свой интерес в этом деле. Он весело с ней беседовал, вызывая в ней противоречивые чувства, от того что мог сделать комплимент, а в следующий момент предложить умыться, намекая на то, что она неумело красится. И было заметно не вооруженным глазом, что он был бы не прочь уединиться с ней, но только в том случае, если об этом никто не узнает. И боролись в нем две ипостаси: одна из которых жутко похотливая.

К середине лета мы начали делать ставки на то, как развернутся события данной интриги. А они никак не двигались. Совершенно. Но все понимали что это лишь затишье перед бурей, и ждали кульминации. Некоторые поговаривали, что видели эту парочку, когда они обнимались, где-то в укромном месте, но скорее всего эти сплетни не имели ничего общего с реальностью.

И вот однажды, в хозблоке был какой-то праздник, скорее всего отмечали чей-то день рождения. Взрослые начали мероприятие вечером, чтобы дети не видели. Но некоторые из вожатых стали свидетелями кое-чего интересного. Одним из таких счастливи́чиков был я.

Было уже глубоко за полночь, когда мой мирный сон был прерван вожатым из соседнего блока. Его дрожащий заговорщицкий шепот моментально развеял остатки моего сна. По скорости сборов я поставил наверно, мировой рекорд, уложившись в две или три секунды. А через десять мы уже находились около столовой...

Би́мен не заметил, как его уставшие глаза закрылись, и уже воображение представляло события прошлого, о которых рассказывал человек, сидящий в кресле-качалке.

Он видел как долговязый очкарик вместе с другим, таким же, но пониже ростом и без оптики на лице, крадучись и оглядываясь по сторонам, перебегая от дерева к дереву, приближались к месту пиршества взрослой части лагеря. Стараясь, чтобы, не дай Бог, где-нибудь не хрустнула ветка, чтобы кто-нибудь не заметил их, они как ниндзя, как тени, легко и бесшумно скользили в ночном лесу.

По пути, второй, который был чуть плотнее телосложением, чем очкарик рассказывал: «Представляешь, одному из моих арбуз сегодня привезли. Мелкие по кусочку съели и наелись, а мне жалко выбрасывать его стало, ну и вот... арбуз этот, ночью наружу попросился. Я из блока выскочил, а до туалета чувствую не добегу. Стал тогда дерево поливать, не на угол же барака дудолить, а потом вижу свет в столовке, вроде как горит, но странно как-то. Дай думаю гляну! А там такое.! Я ж, если кому потом расскажу, мне не поверят».

Они подошли к задней двери, через щель в которой был виден свет, но какой-то тусклый, как от фонарика. Крадучись две тени заглянули в приоткрытый проем.

Обзор был не велик, но даже его хватило, чтобы увидеть незабываемое. На картонных коробках, в которых были то ли консервы, то ли что-то еще, которые стояли прямо за дверью, ведущей в основное помещение, лежали двое. Судя по позе, в которой они заснули, они собирались заняться чем-то поинтереснее обычного сна.

Но, что самое ценное, то ради чего я был приглашен, это была грудь. Да обычная женская грудь, которая была видна через распахнутую блузку и стянутый бюстгальтер. Но эту картину делало бесценным то, кому принадлежала эта грудь. На коробах спали, в умат пьяные, завхоз и Поля.

Свет проникал из основного помещения, рассеиваясь по складу не давал рассмотреть все до мелочей, но то, что это именно она, а это именно он сомнений быть не могло. Давление подскочило, уровень адреналина приближался к критическому, в ушах явно слышалось сердцебиение. Два наблюдателя встретились глазами. Один спросил:

– Видел?

– Спрашиваешь! Света маловато.

– Да не, нормально. Ты прикинь, мы теперь знаем, какие у нее буфера.

– Сюда теперь всю ночь билеты продавать можно.

– Дай-ка еще погляжу! – Он приблизил лицо к проему. Свет нарисовал на лице вертикальную широкую полосу, которая становилась уже, по мере того как дверь приближалась.

Свет уже не казался таким тусклым, глаза с легкостью нашли картонные коробки. Пустые коробки. Лицо прижалось к двери, зрачок бегал по главному яблоку, пока тень не заслонила проем. Сердце, колотившееся ранее, замерло. В животе похолодело и захотелось в туалет.

Раздался удар, подглядывающих отбросило метра на два. Дверь распахнулась, чуть не слетев с петель. На пороге стояла, в распахнутой блузке, с одной грудью наружу, растрепанная, в сбившейся набекрень пыльной юбке Баба Тлен.

9. Дождевик

Бимен дернулся на лежанке, глаза открылись. В темноте комнаты, освещенной светом луны, проникавшим через занавески, мирно сопел, устроившийся на качалке Бартеломью. Сердце, бешено колотившееся в груди, сбавляло обороты, дрема возвращалась. Он повернулся на бок, и закрыл глаза. «Когда, на каком моменте рассказа бывшего вожатого я начал видеть сон?» – Задал он себе мысленный вопрос. А спросить неудобно будет. Как-то не тактично, что ли. Вроде слушал, а не дослушал. Дремота снова накатывалась, и за шторками век, глаза уже начинали различать какие-то образы, нарисованные подсознанием.

Утро было бы восхитительным, если бы ночью не пошел дождь. Он вылился почти весь, за ночь. А остатки его теперь обещали моросить, если не до вечера, то до обеда точно. Про такой говорят «грибной». Вроде и не дождь вовсе, а мешает серьезными делами заниматься.

За завтраком, гостеприимный хозяин попытался выяснить, что-нибудь о грядущих планах постояльца. И оказалось, что этот полоумный снова собирался идти на пасеку.

– Слушай, насколько я знаю, пчелы в дождь не летают. На машине ты туда не доедешь. Это я тебе на тот случай если ты надумал ульи запечатать и к себе увезти. Да и сомневаюсь я что они такие крепкие, какими кажутся.

– Нет, тут в другом дело. В общем, я не до конца разобрался какие там пчелы, и сколько их. Может они настолько одичали, что с ними и не сделаешь ничего.

– Парень, ты чего? Пчелы не являются домашними животными, они не могут одичать, это насекомые. На-се-ко-мы-е! Ты понимаешь смысл этого слова? У вас биология в школе была?

Бимен тяжело вздохнул: «Я знаю, что такое насекомые. Но, как бы вам сказать, я чувствую их».

– Не может быть! – Бартеломью всплеснул руками. – Подумать только, это же такая невидаль! Я вот, в муравейник сяду, и сижу себе, ничего не чувствую. Нет, есть какое-то неудобство, но оно, определенно не связано с насекомыми. Их же никто не чувствует! – старик сделал паузу, и внимательно посмотрел на замершего гостя. – Давай, рассказывай о своем заболевании. Но предупреждаю: если ты педик, то иди к черту из моего дома, и забудь дорогу сюда.

– Я не педераст! – начал свой рассказ, загнанный в угол супергерой. Он поведал Бартеломью про свою пасеку, про способности, появившиеся недавно, и про гибель всех своих пчел по неизвестной причине. Ведьму вплетать в эту историю он не стал. И так история, и без колдовства, попахивала психиатрической клиникой.

– Ну не хочешь рассказывать, и не надо! – сделал обиженный вид Бартеломью. – Не зачем было всякую чушь придумывать. Совсем старика за идиота держишь. Я к нему, со всей душой, а он!

– Да я же правду говорю. Вот пойдете со мной туда опять! Если все нормально будет, я вам докажу.

– Скажи мне, что нормального может быть у тебя с пчелами, которые сидят по ульям, и ждут, когда дождь кончится?

– Ну, не знаю...

– Зато я знаю. Они, между прочим, и в непогоду кусаются. И сдается мне, ты не будешь сидеть, и медитировать напротив ульев. Следовательно, ничего нормального, как ты говоришь не предвидеться. Хотя нет. Я себе не прошу, если пропущу это представление. Даже интересно стало, что ты там задумал. Так что, собираемся. Сейчас я к соседке за дождевиком схожу, и вернусь. Надеюсь, что она не умерла там от любопытства.

Он пошел к двери, затем, взявшись за ручку, задумался на секунду, обернулся: «Хочешь, телик посмотри, пока меня не будет, пулыт на комод».

Дверь хлопнула, раздались шаги по деревянному полу в коридоре, затем хлопнула входная дверь. Бимен смотрел в окно, наблюдая как ссутуленное тело, делая широкие шаги, направилось к дому слева.

Побарабанив пальцами по столу, он встал, прошелся по гостиной, в душе было смещение, правильно ли он поступил, открывшись незнакомому человеку? Потом решив, что у него не было выбора, он подошел к комоду. Поискав глазами пульт, он решил заглянуть под ворох каких-то бумаг. Какие-то счета, реклама, журнал, еще журнал, старый альбом, газеты, опять реклама. Пульта не было.

Ну что ж, – решил он. – Будем изучать журналы. По ходу это прикол такой «найди пульт». Бимен взял охапку, и уселся на кресло-качалку. Газеты он отложил в сторону, следующий на очереди был журнал. «Какое-то гламурное издание, интересно, откуда оно у старика?» – Размышлял вслух супергерой.

Страницы переворачивались одна за другой. Темы были разнообразные, внимание привлекали больше картинки, чем текст. Яркие красивые, некоторые вызывающие, бесстыдно-откровенные, пугающие, заставляющие улыбнуться.

Следующий журнал мало чем отличался от предыдущего, и был пролистан в три раза быстрее, затем реклама, еще, еще. Все это легло на скатерть стола. «Так, что там дальше?» – Бимен хотел было отложить старую желтую газету, но по весу понял, что в нее что-то завернуто. Это был фотоальбом, вернее стопка фотографий в обложке от фотоальбома.

Сердце учащенно забилось, словно он нашел что-то такое, что ни как не могло тут быть. Ладони покрылись испариной, как у подростка, который впервые увидел крамольную картинку. Он открыл его, фотографии, пожелтевшие от времени.

Люди незнакомые, большинство снимков были групповые, один из них сделан на фоне дома Бартеломью. Какие-то тетеньки в пышных сарафанах, бабульки, на поваленных бревнах, дети, целая орава. Среди всех выделялся нескладным телосложением, совсем еще юный Бартеломью.

Казалось, он совсем не изменился, только бороду сбрил, да щеки себе детские наел. Он шурился на солнце, и от этого, и без того небольшие глазки становились еще меньше, и как будто исчезали в бровях. Были и совсем детские фото хозяина дома, и школьные. Все это вперемешку с фотографиями совершенно незнакомых Бимену людей.

«А вот и лагерная фотка! – прозвучала мысль в пустом доме. – Интересно, это та же смена, про которую он вчера рассказывал?» – он склонился над снимком, и чуть не подпрыгнул от радости. Там были и завхоз, стоявший скрестив руки на груди, одетый в тельняшку. И Поля, она особо выделялась нарисованными бровями и, хоть и не было красок на отпечатке, но он готов был побиться об заклад, что помада была у нее краснее чем пожарная машина в солнечную погоду. Было еще куча незнакомых народу, а вот Бартеломью стоял с тем самым парнем из сна. Они были примерно одного роста, оба в одинаковых формах вожатых, с галстуками на шеях. Счастливые, улыбающиеся наступившему лету. Парень был почти лысый, с хмурыми бровями, смотрящий почти исподлобья, с тонкими чертами лица, и какой-то смущенной улыбкой. Они стояли, забросив руки друг другу на плечи.

Еще немного поразглядывая снимок, и не найдя больше ничего интересного на нем, он взял следующий, потом еще, еще, снова какое-то групповое фото отдыхающих в лагере.

На этот раз на снимке было три вожатых. К предыдущим двоим присоединилась девушка. Детей было человек не меньше тридцати, поэтому сложно было разглядеть какие-то подробности. Но снимок не как не хотел покидать руки, и притягивал к себе взгляд. Под большим пальцем правой руки спрятались две девочки. Одна постарше другой лет на пять, обе какие-то серьезный чересчур, для летнего группового снимка. Было что-то общее между ними, что-то неуловимое, что-то во взгляде. Особенно поражали своей ясностью глаза той, что помоложе. И если бы Бимен подольше подержал бы в руках фотографию, он бы с легкостью узнал эти

глаза, но они так и остались прикрытые большим пальцем. А потом другими снимками, которые ложились сверху, по мере того как пачка на коленях уменьшалась, а стопка на столе росла.

Пчеловод так увлекся, что потерял счет времени, и только когда хлопнула входная дверь, он опомнился, захлопнул всю охапку, взял журналы, поднялся и положил все на комод. В коридоре пару раз топнули ногами, и открыли дверь.

– Мерзкая погода, может не пойдем никуда, а? – Бартеломью оставил пакет у входа, и вошел в зал. – В шахматы посидим поиграем! Ты чего телик не смотришь?

– Пульт не нашел.

– Да вижу у тебя поинтереснее занятие было! – Старик нагнулся возле стола, и поднял лежавшую там фотографию. – Узнал кого-нибудь? – Протягивал он ее. – Отгадай где тут я?

– Да вот же, я вас сразу узнал, хоть и без бороды. А вот это кто? – Спросил Бимен, показывая на человека рядом?

– Это ты про того парня с волчьим взглядом? Да это ж Максимильтен, я его вчера упоминал. Помнишь, или спал уже, и половину не слышал?

– Нет, что вы! Я все помню. – Поспешил заверить старика Бимен.

– Он сейчас в городе живет, уважаемым человеком стал. Так сказать выбился в люди. Портреты на заказ пишет. Говорят, что очередь к нему на год вперед. А он еще не с каждым работать будет. И не всех подряд рисует. Давно уже с ним не виделись. Так, по крупным информация до меня доходит, но хотелось бы, конечно с глазу на глаз поговорить. Былое вспомнить, да порадоваться за человека.

Он подошел к комоду, разгреб журнально-газетный ворох, и убрал снимок к остальным.

– Ну, не передумал еще, пчеловод-путешественник?

– Готов задержаться на чашку вашего фирменного чая.

– Ладно, понял. Сейчас, попьем. Ты лучше посмотри, что я тебе принес. – Он нагнулся к пакету, оставленному у входа.

Дождевик, который был извлечен оттуда, оказался ярко розового цвета. Бартеломью протягивал его, улыбаясь так широко, что глаза превратились в кучку морщинок под бровями.

– Издеваетесь, да? – попытался обидеться Бимен.

– Ну что ты! Как ты только мог подумать такое. Откуда я мог знать, что у нее розовый плащ уже два года. И вообще, я все продумал: пчелы увидят, что к ним сумасшедший пришел, и будут к тебе снисходительны. – он протянул дождевик. – Одевай, не стесняйся.

10. Грибы

Ален теперь даже спала не так крепко, как раньше. Сон не приносил покой и отдых. После него была раздражительность и еще, непонятно что. Да и сна, по большому счету как такового больше не было. Ее постоянно не покидало ощущение, что она обманута, и причем это стало очевидно только недавно. Откуда, почему, когда? Она пыталась найти ответы, но безуспешно.

Рытье в себе, и недавних событиях заронили в ее сердце подозрение, что подруга просто всегда использовала ее. Ведь по сути, если разобраться, Ри никогда не умела колдовать. Она просто была прекрасным психологом. Правда чересчур жадным, но у каждого есть свои недостатки. Это ведь она говорила и наставляла ее, что надо делать, как, и самое главное, когда. И сейчас, скорее всего, уже начинает обхаживать этого, с пчелами. Но почему не позвонила? А когда я с ней разговаривала по телефону, почему-то даже и слова не проронила про пасечника, и его сына. Странно это, что-то она скрывает. Но что, зачем?

«Да ладно, всего три дня прошло, может он крепкий, и болезнь еще не проявилась, – успокаивала она себя. – Но, родители то должны были изменения заметить. Родители всегда первыми замечают. Нет, еще мало времени прошло. Потерпи. Все будет, но позже».

Из дома вышли двое. Один был одет в серый плащ на теплый свитер, и резиновые сапоги, другой же, мало того что обут был в кроссовки, так еще и щеголял в розовом дождевике.

Официальная версия их тайного мероприятия звучала так: «Парень специально заехал в эту глушь, чтобы грибов набрать. А чтобы ему не заблудиться в лесу, он проводником первого попавшегося местного нанял, повезло как ни странно, местному дурачку. Который убедил приезжего, что лучше его здешний лес никто не знает».

– А вы в лагере вожатым сколько были? – решил начать беседу «грибник».

– Как сколько? Одно лето, конечно. Я колледж закончил. Вот и решил летом подработать. Здорово там было. Дурачились по чем зря.

– Я, там на фотографиях, девушку видел, тоже из ваших, из вожатых. Кто она?

– У нас смешанных групп не было, поэтому мы за мальчишками присматривали, а девчонки – за девчонками. Лагерь то небольшой был, лес, речка, стадион, столовка. Ничего особенного. Жизнь отдельно от родителей учит самостоятельности, доверию, честности. Но вместе с этим, появляется первый жизненный опыт.

Такие вещи как предательство и подлость, если не пережить хотя бы раз, то человек останется доверчивым ребенком до конца дней.

Тогда в лагере, глядя на детей, можно было со стопроцентной уверенностью сказать, кто кем будет. Я не в смысле профессии, а про внутреннее содержание. Мы видели, как одни с легкостью предавали других, или как дети боролись за свою дружбу, и узнавали смысл слова «самопожертвование».

Для нас это тоже был бесценный опыт. Как в произведении Стругацких «Трудно быть богом», где высокоразвитая цивилизация наблюдала за дикими племенами, и не имела права вмешиваться, чтобы не изменить ход истории. Так и мы, могли помочь кому-то, или остановить, пока еще не совершил глупость какую-нибудь. Но на личные отношения даже и не пытались влиять.

А девчонка та... Она вначале к Максимильтену пришла, их блоки рядом стояли. Я потом, они вдвоем ко мне заявили. Нет, знакомы мы конечно были с самого начала смены, но теплых отношений у нас не было. А вот сдружились мы как раз после одной запутанной истории. Потому что любое преступление, так же как и беда, объединяет.

Приходят они после отбоя ко мне в блок, и говорят, что нужна моя помощь в одном деле, потому как доверяли эти двое, как выяснилось, далеко не всем в лагере. Одна девочка пропала иногда ночью, но под утро появлялась. А учитывая то, что она была из старшей группы, нам хотелось знать, что происходит. Может мальчишка какой замешан, дело то молодое, тут как говориться «предупрежден, значит вооружен», и поэтому хотелось владеть ситуацией.

Вожатая пыталась выяснить, что-то у остальных девчонок, но все как воды в рот набрали. То ли не знали ничего, то ли не хотели рассказывать. А нужно было как-то деликатно подойти к этому вопросу. Мне было поручено у своих дурачков разузнать. Может кто что видел, или знает. Максими́льен со своей мелюзгой должен был пошущукаться. Они хоть и маленькие, но бывает, видят и знают больше взрослого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.